Щит и Молот

2(5)/ 2012

Газета национал-большевистского фронта

www.nb-info.ru
nazbol.host22.com

В нашей газете вы найдёте материалы по истории НБ и НС идеологий, разнообрные статьи сторонников и соратников НБФ, стихи, новости, материалы с наинтернет ресурсов и многое другое. Если вы желаете опубликовать свои материалы, либо помочь нашей газете можете легко связаться с нами по электронной почте nbrussia@gmail.com
Наша группа в «ВКОНТАКТЕ» http://vkontakte.ru/nazbol_nbf/
Офииальный сайт НБФ: http://www.nb-info.ru/
Сайт отделения НБФ-Москва http://nazbol.host22.com/

..::АНОНС::..

Традиционализм и русский космизм	2
Космическое спасение народов России	3
Убийство русского человека	8
Национал-большевизм Н.В. Устрялова. Систематическое изложение . Часть 2.	10
К вопросу о русском империализме. Николай Устрялов.	14
РККА глазами Вермахта	16
Бой длиной в 30 секунд Русский характер	18
Как выжить в ядерной войне	19
Стихи в ШиМ	20

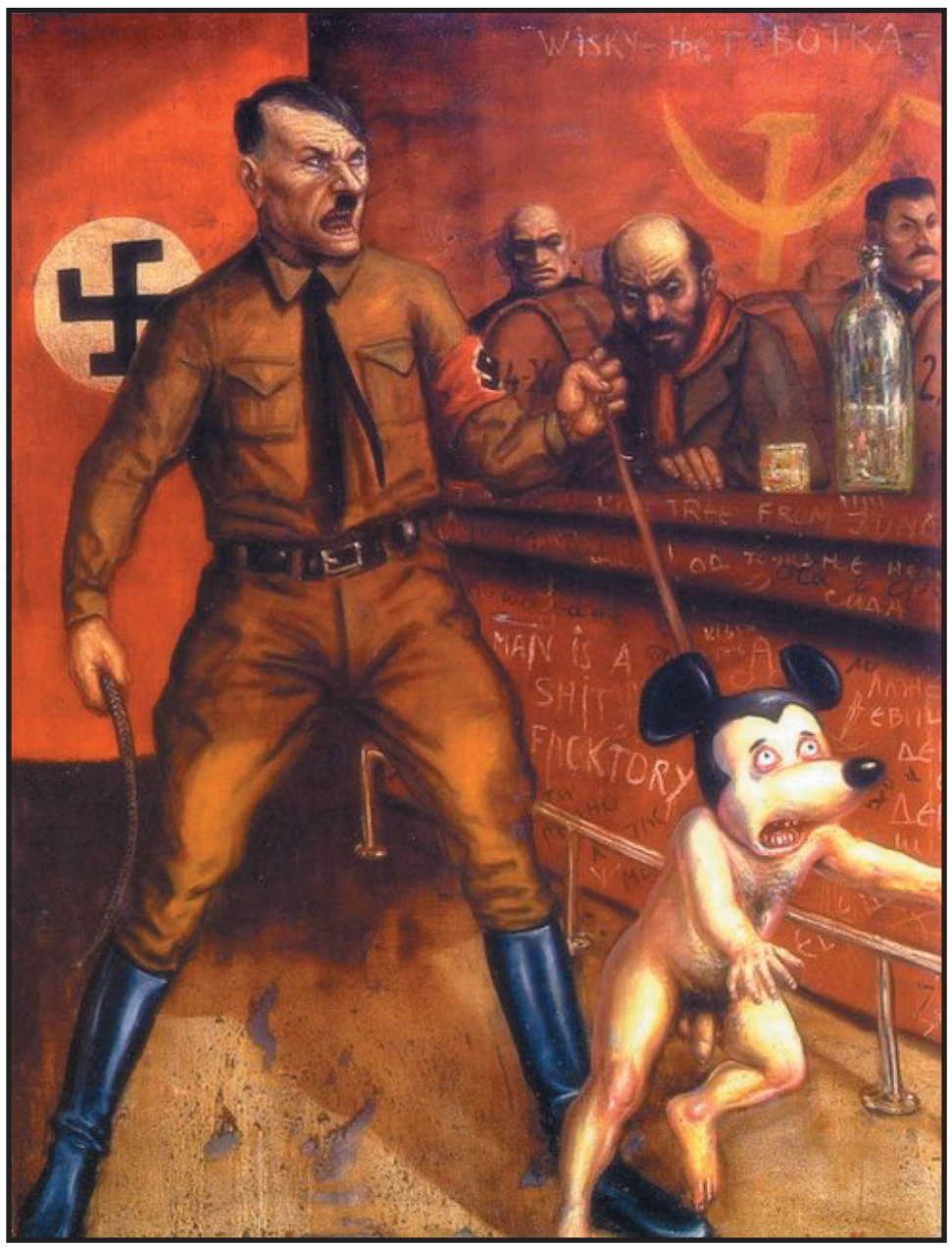
ДЕМОКРАТИЯ – ЧУМА 21 ВЕКА

Глядя на происходящие сейчас во многих странах события, не перестаешь дивиться наивности наших современников. Похоже, «демократия» и «честные выборы» стали чем-то вроде всеобщей одержимости, охватывающей миллионы людей и ввергающей огромные территории в хаос. За «демократию» в наши дни борются неонацисты, анархисты, коммунисты, ваххабиты, геи и трансвеститы.

О нелепости либерально-демократических мифов было сказано уже немало. Тот же тезис о «народе как источнике власти» можно сравнить только что с россказнями барона Мюнхгаузена, который будто бы вытащил сам себя за волосы из болота. Теперь пора поговорить о том, насколько вредоносна эта зараза, и есть ли способ исцелиться от нее.

Понятно, что буржуазная демократия не может функционировать сама по себе, она, выражаясь марксистским языком, только надстройка, а базисом служат развитые капиталистические отношения, предполагающие наличие значительного буржуазного слоя. Партии при подобной системе выражают интересы различных олигархических группировок, уравновешивающих свои интересы. Классический пример соревновательной олигархии – это Соединенные Штаты Америки. Поэтому и далеки от жизни фантазии некоторых левых – сторонников «социализма с человеческим лицом», желающих совместить институты буржуазной демократии с социалистической моделью экономики. Это все равно что скрестить ужа с ежом. Реальная практика социалистического строительства уничтожает предпосылки этой демократии и, как правило, ведет к установлению однопартийного авторитарного (или даже монархического, как в КНДР) строя.

Во многих незападных обществах, где буржуазный слой слаб и тонок, а мировоззрение людей во многом определяют традиционные императивы, под маской политических партий часто скрываются этноконфессиональные, трайбалистские, а то и просто криминальные группировки. Таким образом, при попытке насадить демократию западного образца в данных обществах этноконфессиональная и трайбалистская рознь с бытового уровня переходит на уровень политический и ввергает государство в смуту. Печальные примеры этого – Ливан или Ирак. В последнем сейчас каждый день гремят взрывы, арабы-сунниты убивают арабов-шиитов и наоборот, а курды тем временем создали фактически свое государство. По подобному пути сейчас идет и Сирия (одновременно США и их союзники делают все, чтобы таким же путем развалить Иран). Тем более трудно представить себе функционирование парламентской демократии в Ливии, где и вовсе царит племенной строй.



Впрочем, есть еще и другой путь, когда за «демократической революцией» и периодом вызванного ею хаоса возвращается в новом обличье традиционный «антидемократический» порядок. Именно так дела обстояли в Грузии, где на смену авторитаризму Шеварнадзе после «революции роз» пришел авторитаризм Саакашвили, и на Украине, где прагматик и хозяйственник советского типа Янукович одолел в конце концов отправившихся на свалку истории оранжевых клоунов (а вы помните, какая эйфория царила в Киеве во время «оранжевой революции». И куда только все это делось? Посмотришь на все это, и начинаешь презирать «народные массы»). Сейчас, похоже, таким же путем события развиваются в Египте, где обозначается альянс военных и Братьев-мусульман, а левой и либеральной публике, оказавшейся не у дел, только и остается жаловаться на «предательство идеалов Тахрир».

Так и у нас только самые наивные люди могут верить, что в случае победы «болотных революционеров» в России воцарятся «ценности гражданского общества», и скинхеды будут в Госдуме без конца мирно «дикутировать» с либералами-правозащитниками. Наша страна это не одна только Москва с ее «средним классом», наша страна слишком огромна и сложна, чтобы ее история завершилась таким пошлым способом. Тем же, кто выходит на Болотную площадь под черно-золотисто-белыми знаменами, не мешало бы ознакомиться с тем, что думали о парламентской демократии лучшие отечественные мыслители – Константин Леонтьев, Лев Тихомиров, Иван Солоневич. «Машина бездарна, как бездарна либеральная атмосфера, ее породившая. Разве не бездарен этот парламентаризм, эта борьба партий, эти выборы, это пресловутое большинство голосов? Машина – также отражает действительность, как современное представительство выражает в Европе и Америке мнение народа. Т. н. «народ» быстро схватывает общие идеи и штампованные слова, легчайшим образом обобщая факты, которых он не знает, и составляя представления, к которым он не способен», - писал гениальный русский философ Алексей Лосев. Левакам же с изображениями Че Гевары следует напомнить о том, с каким презрением Че относился и ко всяким «демократическим свободам». Еще находясь, находясь в Гватемале, в письме к тете Беатрикс Че заявил, что будь на месте президента, он закрыл бы все издания, финансируемые янки. Когда Фидель, придя к власти, стал закручивать гайки и давить буржуазную «оппозицию», и этим вызвал разочарование Сартра и прочей леволиберальной общественности, Гевара в этом полностью поддержал его (лозунг того времени: «Революции – да, выборам – нет!»).

Андрей Игнатьев

Традиционализм и русский космизм

В 20 веке родились на свет два учения, лежащие в стороне от «генеральной линии» прошедшего столетия. Возможно, они опередили свое время, а, может, наметили нечто ИНАЧЕ ВОЗМОЖНОЕ, что и по сей день осталось ВОЗМОЖНЫМ, но НЕРЕАЛИЗОВАННЫМ.

Отличительная черта обоих учений – признание за ЧЕЛОВЕКОМ большего, чем признавали за ним «ортодоксальные» концепции прошлого столетия (т.е. либерализм и коммунизм и национал-социализм). Первое учение – это ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, а второе – РУССКИЙ КОСМИЗМ.

И в первом и во втором человек поставлен много выше того животного уровня, обеспечением которого в свое время так были озабочены либерализм и коммунизм (в меньшей степени – национал-социализм, но его век оказался столь недолгим, что ему не удалось раскрыть и меньшей части своих возможностей).

Безусловно, эти учения представляют собой целые миры, охватить которые немыслимо в одной короткой статье. Но мы можем рассмотреть квинтэссенцию обоих концепций, основные положения, и на их основе сделать выводы, которые, быть может, приведут нас к иному пониманию смысла человеческой жизни и к формированию идеологии, нацеленной на будущее если не всего мира, то хотя бы – нашего народа.

В основе ТРАДИЦИОНАЛИЗМА лежит положение о первоначальном единстве БОГА и ЧЕЛОВЕКА, которое было нарушено некой онтологической катастрофой, подобной ветхозаветному грехопадению Адама и Евы.

С того момента человеку остался набор символов, написанных на ткани видимого бытия, прочитывая которые он мог подниматься к закрывшимся небесам. Отсюда исходит и учение о ПЕРВОТРАДИЦИИ, от которой пошли все последующие традиции. Концепция ПЕРВОНАРОДА, который породил все земные народы. Ученые-традиционалисты исследовали символические системы разных народов разных традиций, отыскивали в них общие принципы, которые, скорее всего, исходят от чего-то ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО, забытого, ибо их присутствие никак не объяснить случайными совпадениями. Определили они и ПРАРОДИНУ первонарода, которая имела вполне определенные географические координаты и располагалась на месте, где ныне – студеная пучина Ледовитого Океана.

Традиционалисты (в частности – Мирча Элиаде) разработали методологию, позволившую определять, что в традициях народов мира происходит от ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ, а что является результатом более позднего опыта, обусловленного, к примеру, спецификой географического расположения.

Но реконструкция ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ во всей ее полноте оказалась непосильной задачей, и потому традиционалисты были вынуждены признать, что произошла утрата не просто каких-то фрагментов, но потеряно самое важное, пропал самый ЦЕНТР ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ, ее краеугольный камень, восстановить который человек не в силах…

Взгляд ТРАДИЦИОНАЛИЗМА на будущее человечества – пессимистичен. Наиболее полно этот пессимизм выражен в труде Рене Генона «Кризис современного мира». Все дальше и дальше отдаляется от народов ПЕРВОТРАДИЦИЯ, все недоступнее и недоступнее для человека становится его небесный принцип, Господь. Мир неуклонно движется навстречу своей погибели, предреченной во всех без исключения традициях мира, а, значит – в самой ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ.

Дальше – лишь детали. Например, если в христианстве апокалипсис совершается лишь единожды и навсегда, то в индуизме конец времен означает начало нового космического цикла. Эти различия не столь важны, и для человека современной эпохи индуизм ничуть не оптимистичнее христианства или ислама (новый цикл настанет, но он будет уже для другого человечества, и судьбу человека конца времен он все равно не изменит). Противление – бесполезно, если оно вообще возможно (согласно работе Юлиуса Эволы «Оседлать тигра» - невозможно). Разве что, зыбкая тень надежды на некое чудо, которая неявно проскальзывает в трудах некоторых традиционалистов, чуть-чуть согревает сердце. Впрочем, чудо это все равно – временно, преходяще, и никоим образом не способно повернуть судьбу обреченного человека…

Иной взгляд на человека имеет РУССКИЙ КОСМИЗМ, учение русского философа Николая Федорова. Согласно нему человек в ходе истории поднимался в своем развитии до Бога, и теперь приблизился к Нему, вернее – приготовился занять Его место. Человеку осталось сделать лишь последнее, самое главное – научиться воскрешать умерших и объять собой всю Вселенную, к чему он уже готов. Еще немного – и закончится животный период человеческого бытия, откроется начало периода божественного, когда человеческий разум обоймет всю Вселенную, и далекие звезды засверкают под слабыми человеческими руками.

Как видим, несмотря на сходство, проявленное в отношении к человеку и в традиционализме и в русском космизме, различия между учениями весьма велики. Ведь ТРАДИЦИОНАЛИЗМ представляет БОГО-ЧЕЛОВЕКА в отдаленном прошлом, в то время как современные люди видятся результатом его гибели. РУССКИЙ КОСМИЗМ с точностью до обратного, представляет БОГО-ЧЕЛОВЕКА (вернее, человека, занявшего онтологическое место БОГА) где-то в будущем, а в современном человеке видит его предтечу. Традиционализм не дает надежд на будущее, а Русский Космизм отрицает прошлое (вернее, видит в нем лишь дорогу к сегодняшнему дню). При таком сравнении мы видим, что эти прямо противоположные учения никогда не смогут найти точек соприкосновения, общего языка.

Но… Не все так просто. Ведь техника, на которую уповает РУССКИЙ КОСМИЗМ, если ее описать языком ТРАДИЦИОНАЛИЗМА – суть тот же набор символов, указующих в Небеса. Стремление человека РУССКОГО КОСМИЗМА занять небесный престол – суть то же стремление к БОГОЕДИНСТВУ, что лежит в основе ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ. Остается лишь вопрос времени, но согласно всем традициям, приближение к Господу ослабляет это измерение до тех пор, пока оно не исчезает вовсе, и будущее не сливается с прошлым так, где времени нет.

Разумеется, в идеологии РУССКОГО КОСМИЗМА остаются некоторые несуразности, связанные с излишним оптимизмом того времени, когда он возник, и ныне вызывающие лишь усмешку. В частности – стремление к подражанию Господу, которое все одно никогда не станет доступным для человека. Но что если заменить это наивное стремление к подражанию на исходящее из ТРАДИЦИИ стремление к Богоединству?

Так из РУССКОГО КОСМИЗМА мы получаем КОСМИЧЕСКОЕ БОГОИСКАТЕЛЬСТВО, то чудо в преддверии Конца Времен, бледная тень которого проскальзывает во всех традициях. Последний бросок в Небеса, совершаемый последними людьми последних времен, давно растерявших и веру и любовь, и сохранившими в себе лишь последнюю надежду…

Товарищ Хальген

Космическое спасение народов России

Щелкают логарифмические линейки, бумажные листы покрываются цифрами, где-то потрескивают арифмометры. По листам ватмана ползают неуклюжие рейсшины, визжат карандаши. А в пепельницах догорают многочисленные окурки.

В середине 20 века такой вид имели все научные и проектные учреждения. Причем – во всем мире и всех направлений. Начиная от конструкторского бюро по истребителям, и заканчивая таким же бюро по мясорубкам. Причем гостю невероятно трудно предположить, что все-таки делают в этих стенах – самолеты или мясорубки, ибо вид сгорбленных над бумагами людей ему ровным счетом ничего об этом не скажет. Ну, может, в авиационном КБ где-нибудь макет самолета стоит, а в мясном – настоящая мясорубка...

Но среди многообразия шуршащих бумагами и скребущих карандашами учреждений было несколько таких, где в буквальном смысле решался завтрашний день всего мира. И в центре каждого из них стоял Авторитет, Главный, мысли которого обобщали все сказанное и сделанное прежде. Настало время, когда вековой труд ученых, цепочки прежних открытий должны были собраться в великое, мировое открытие. Это открытие и сделается тканью того мира, в котором будет суждено жить многим поколениям потомков. Проделать же такую работу под силу лишь особому, эпохальному гению, каких на Земле по определению не может быть много. И было их всего два. По двум сторонам Атлантики, в двух мирах.

По ту сторону океана, среди небоскребного леса, творил математик Норберт Винер. Середина века вспыхнула в его голове звездой удивительной мысли. Мысль состояла в том, чтобы сделать человеческий язык понятным для машины. Соединить ее элементы в соответствии с мыслями «логически правильного» человека, после чего она легко поймет команды, поданные таким же «правильным» языком. Благо, что элементы, способные «мыслить» на двузначном логическом языке «да – нет» – уже появились. Эти были транзисторы. Множество простых мыслей, сводимых к нулям и единицам, складываясь и умножаясь по определенным законам, рождали сложные заключения электронного «ума».

Так было дано начало информационной революции. В дальнейшем сложность электронных устройств росла, размеры их основных элементов – уменьшались. С увеличением масштаба производства закономерно уменьшалась их цена. В итоге создалась могучая отрасль производства, породившая в свою очередь еще одну отрасль – создание компьютерных программ.

Теперь компьютер позволял легко управлять производственными процессами, значительно облегчал проектирование новых изделий, разнообразные математические расчеты. На очереди было создание производственных комплексов-автоматов, выносящих человека за предел производственных линий.

Тем временем среди просторов Евразии творил другой ученый – Сергей Павлович Королев. Он по-своему подводил итог развитию техники, и создавал свое эпохальное открытие, означавшее середину 20 века.

Мысль Сергея Павловича обращало все технические достижения в острую титановую иглу, предназначенную для прошивания пространства. Будущее – прорыв в космическое пространство, а сквозь него – туда, где сверкают тысячи созвездий и миллиарды звезд, в неведомую даль. Королев создавал сплав человеческих стремлений со стремлениями машин, и отливал его в длинные, игольчатые сооружения, жаждущие сразиться с пространством. В ракеты.

Пробы и ошибки, множество ракет как будто невидимая рука сорвала с небосвода и сбросила на землю жаркими огненными шарами. Но вот, времена неудач прошли, ошибки были исправлены, и ракетные тела взмыли в поднебесья. Запуск первого искусственного спутника, первой собаки, первого человека…

На Земле вокруг проекта Королева создавалась не одна отрасль промышленности, а целое множество. Причем в дальнейшем, для совершения последующих шагов, требовались новые и новые революционные преобразования всей техносферы.

Требовалось достижение новых уровней прочности материалов, а также более высоких классов точности их обработки и сборки. Были необходимы новые технологии получения энергии, ведь очевидно, что на сжигании керосина звезд не достичь. Тогда и возник проект овладения управляемым термоядерным синтезом, который вопреки общему мнению, на самом деле увенчался успехом. Возникла потребность в сверхпроводящих материалах, позволяющих использовать электрическую энергию практически без потерь, что уменьшило бы размеры электрической аппаратуры в сотни раз.

Как бы выглядел мир при последовательной реализации этого проекта? Безнефтяная энергетика, основанная на практически безвредном для природы термоядерном синтезе. Отсутствие кризисов, связанных с колебанием цен на энергоносители, в таком мире было бы очевидным. Машины и механизмы, созданные из новых материалов и с высокой точностью обработки деталей и сборки, могли бы служить целым поколениям, не выходя

(продолжение на 4 странице)

Космическое спасение народов России (Начало на 5 странице)

из строя. Однозначно, когда в процессе труда создавались бы практически вечные вещи, изменилось бы и мышление самих людей. Быть может, на свой труд человек снова смог бы смотреть, как на искусство, и его результаты опять, как и в далеком средневековье, стали бы произведениями искусства.

Достижения информационной революции Винера тоже могли быть использованы в космической революции Королева. Они облегчили бы проведение множества НИОКР, из которых и складывалась основа проекта, помогали бы с расчетами и созданием конструкторской документации. Они позволили бы автоматизировать многие производства, что было необходимо для высвобождения людей и перенаправления их в творческие, наукоемкие проекты.

Уже не говоря о том, что управление космическими аппаратами просто не мыслимо без применения электронно-вычислительных систем. А производства, вынесенные в космос, просто не могут не быть полностью автоматизированными. В конце концов, даже обучение управлению космическими аппаратами потребовало применения электронных симуляторов.

Таким образом, информационная революция Винера могла быть необходимым дополнением космической (и вообще – технической) революции С.П. Королева.

Но произошло обратное. Ведь информационная революция произошла в самом ядре западно-протестантской цивилизации, и, разумеется, ее достижения сейчас же были использованы именно ею. Вместо устремления в космическое пространство, плоды революции Винера «сплели» собственное, информационное пространство. Оно оказалось удобным, для почти моментального перемещения денежных единиц, для обмена различной информацией и манипуляцией ею. Цивилизация Запада, устремленная не в дали пространства, а в глубины потоков денежных единиц, востребовала именно эти стороны информационной революции.

Применение космической техники, разумеется, тоже потребовалось для организации информационного пространства. Но в более чем ограниченном, редуцированном варианте. Система спутников связи, обеспечивающая функционирование информационной сети, космическое производство монокристаллов, необходимых для производства микросхем. Это и все, что революция Винера взяла от проекта Королева. Потому на сегодняшний день фактически мы имеем не космическую цивилизацию, а лишь ее останки, способные охватить собой лишь орбиту Земли. Споры о реальности американского полета на Луну не случайны, ведь его нереальность была бы лучшим доказательством победы революции Винера и одержания верха виртуального над реальным.

Так цивилизация пришла к сегодняшнему дню. Фильмы с обилием компьютерной графики (вроде «Аватара») и компьютерные игры заменяют собой реальное перемещение в пространстве. Которое, по логике революции Винера, теперь с одной стороны - принципиально недосягаемо, но с другой – его «недосягаемость» можно обойти при помощи симулякра, электронно-графического обмана. С одной стороны, звездные дали недоступны ныне никому из людей, но с другой – доступны всем. Только не в том виде, который они имеют в реальности, а в том, который рисуется в сознании авторов фильмов и компьютерных игр, создающих эти миры за получаемые ими денежные единицы.

Мировое производство в своем технологическом уровне застыло на уровне середины 20 века. Если не считать малых, почти не значимых модернизаций, оно все так же основано на энергии сжигаемого топлива и на извлекаемом из земных недр материале. Но вот организация инвестиций в производство и извлечение прибыли из него происходит ныне иначе, чем в те времена, которым адекватны существующие технологии. Анализ данных и принятие решение о направлении денежных потоков происходит практически мгновенно, в то время как переустройство самих производств часто требует нескольких лет. Это неизбежно порождает частые кризисы. Ориентация же производства на скорейшее получение максимальной денежной прибыли ведет к выпуску недолговечной, низкокачественной, но зато дешевой (имеющей наименьшие производственные издержки) продукции.

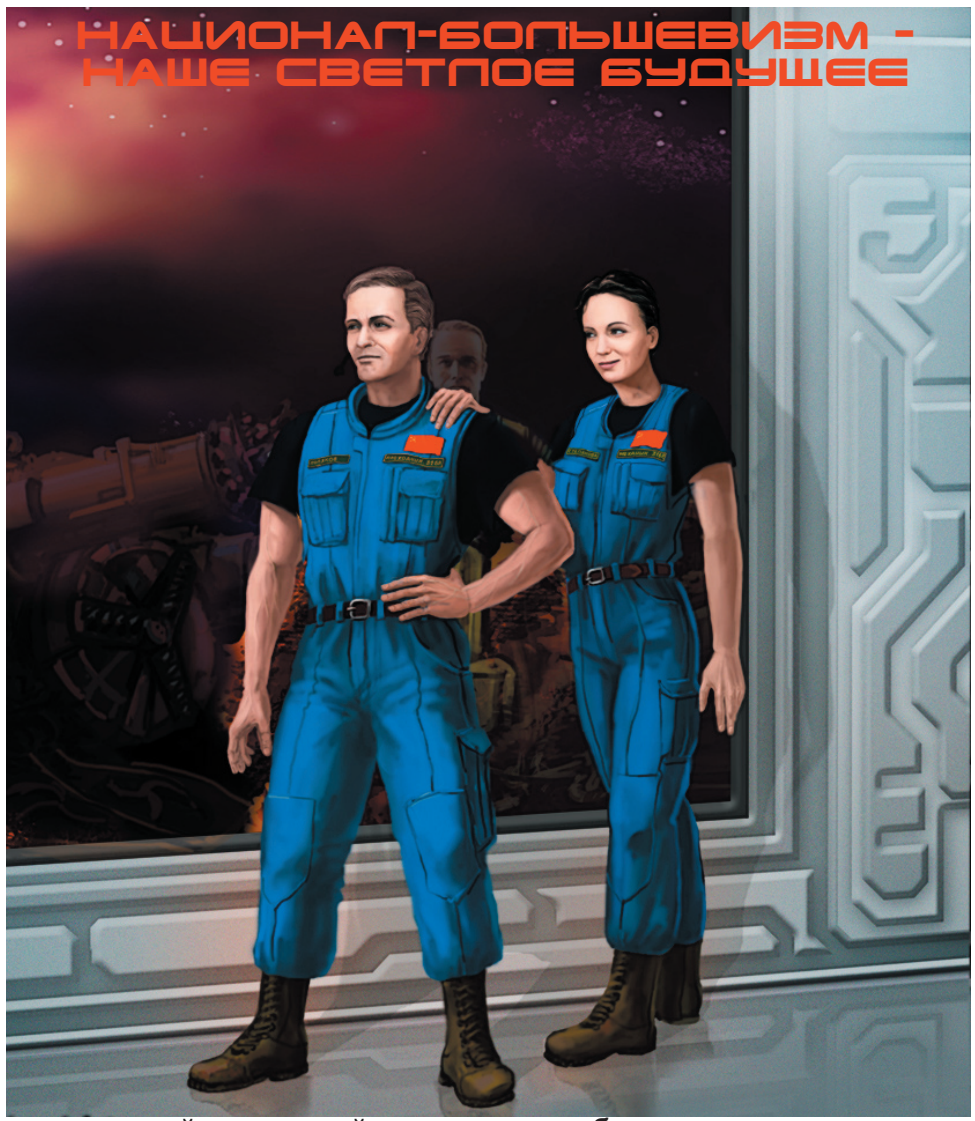
Автоматизация производства, о которой говорили прежде, в принципе остается возможной. Но ненужной. Какой в ней смысл, если стоимость труда промышленных роботов в любом случае будет выше, чем рабочих Юго-Восточной Азии?! Да и куда девать высвобожденных из производства людей, если информационные области экономики предоставляют ничтожно малое количество рабочих мест?! Конечно, освобожденные от промышленного труда люди могли бы трудится над эстетизацией вещей, внесение в холод промышленных продуктов огня человеческого смысла. Но это оказалось невозможным именно из-за географического отрыва производства вещей от производства идей. Первое и второе оказалось «порученным» разным цивилизациям.

Таким образом, информационная революция оказалась негодной для того, чтобы сделаться локомотивом развития науки и техники. Все равно, как гоночный автомобиль не может найти применения в качестве железнодорожного локомотива – будет лишь бесполезно буксовать.

Зато информационная революция открыла широкие пути для манипуляции сознанием целых народов. В конечном итоге мечты многих народов о справедливом мироустройстве окончательно утекли в область моделированных на компьютере сновидений. Возглавляют народы теперь не живые люди, но «электронные облака», легко корректируемые и изменяемые в зависимости от вкусов толпы. Причем меняться могут лишь они сами, но не

(продолжение на 5 странице)

Космическое спасение народов России (продолжение, начало на 4 странице)



жизнь людей, от которой электронные образы надежно отделены непроницаемой гладью экранов телевизоров и компьютерных мониторов. Потоки «информационного мусора», составляющие до 95% всей информации, скроют в себе мудрую мысль куда надежнее, чем могучие карательные органы былых времен…

Что получила Россия, оказавшаяся в мире, где проиграла ее КОСМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и победила ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, преподнесенная враждебной цивилизацией? Какое-то количество рабочих мест в отраслях, связанных с производством программного обеспечения, сравнительно небольшое по отношению к количеству народа. И гибель 90% науки и наукоемких производств. Сосредоточение всей жизни страны вокруг добычи и вывоза нескольких видов полезных ископаемых, которые могут обеспечить работой опять-таки ничтожную часть народа.

Таким образом, мы пришли к ситуации, когда дальнейшее следование по «пути Винера» стало представлять реальную опасность не только для самореализации, но и для выживания русского народа. Информационные технологии искусственно удерживают страну в состоянии застоя, навязывая образ существующего положения вещей – как единственно возможный. Только их действие весьма напоминает затыкание предохранительного клапана в паровой машине, которое чем дольше продолжается – тем мощнее неизбежный взрыв.

То же самое происходит и на мировом уровне. Первый взрыв – экономический кризис уже прогремел, на очереди куда более мощный глобальный экологический кризис. И, одновременно – кризис цивилизационный, когда жизненное пространство одуревшей от информационного наркотика Европейской цивилизации стремительно проглатывается ее соседями.

Поэтому сегодня, прежде всего, следует признать, что выбор пути Винера был ошибочным, что информационная революция не может быть самодостаточной, а развитие информационных технологий в отрыве от реального производства несет в себе большую опасность, реализацию которой мы и видим сегодня как в России, так и во всем мире.

Вслед за этим признанием требуется подумать о том, как (пока еще не поздно) изменить свой выбор и встать на путь, положенный С.П. Королевым.

Конечно, после многих лет застоя и развала, едва ли этот путь следует начинать со «штурма Небес» и планирования полетов в глубокий космос. Необходимый для этого научный и промышленный потенциал еще предстоит возродить или заново создать. Начать надо с какого-нибудь важного, масштабного проекта, органично связанного с проектом космической революции. Если сердцевина промышленности – это энергетика, то такой проект напрашивается сам собой – применение управляемого термоядерного синтеза. Его технология уже была разработана в Советском Союзе в последние годы его жизни. Однако теперь гениальное открытие тех времен практически никем не вспоминается и нигде не упоминается.

Начало реализации этого проекта привлечет множество русских умов, еще способных на совершение прорывных открытий. Оживут многие смежные отрасли науки и промышленности. Для этого проекта неизбежно потребуется множество открытий и изобретений, имеющих широкое применение в разных отраслях.

С развитием термоядерной энергетики появится возможность вернуть жизнь ныне умирающим малым городам. Большое количество людей, занятых в высокоинтеллектуальном производстве, станут основой возрождения русской культуры. Культурное возрождение должно неотступно следовать за научным и экономическим, обеспечивая целостное развитие русской цивилизации.

Вот так путь в живое будущее может лежать лишь через исправление давней ошибки, преодоление давнишнего соблазна виртуального причастия к западному изобилию. Сегодня, наша жизнь уперлась в тупик, и все мы, не веря своим глазам, рассматриваем его лишенную лазеек стену. По давней привычке многие вопрошают о выходе у всегдашних советчиков, обитающих к западу от наших границ. Кричат до хрипоты, но в ответ получают лишь звенящую тишину, ибо ответа с той стороны нет, и не предвидится. Ибо и там, при всех наших фантазиях об удивительной сообразительности чужих народов, сейчас громоздится точно такой же тупик, ничем не отличимый от нашего. И настал тот момент, когда будущее зависит только от нашей воли, и негде более искать помощи, кроме как в самих нас. В нашем пространстве, в наших мыслях, в нашей вере.

Товарищ Хальген

Гость из будущего

Современная мировая идеология стремительно превращает все предметы мира в товары. Вернее, отыскивает в них самую грубую, земную ипостась, которую мгновенно наделяет конечной стоимостью и выставляет на продажу. Процесс принял злокачественный характер, уже и не осталось, считай, в мире символов, все они обращены в торговые бренды. Кому не знакомы бренды под названием «Че Геваро», «Фидель Кастро»?! Уж про Наполеона Бонапарта и говорить не стоит, девять из десяти обитателей «цивилизованной» части мира сразу скажут, что это – марка французского коньяка.

В товар обращаются прежде священные понятия и названия. В Санкт-Петербурге, к примеру, имеется ресторан «Грааль». Ну да, пока еще нет торгового бренда по имени «Господь», но в принципе ничто не препятствует его возникновению уже сейчас. Не сомневайтесь, что специфически организованный разум сумеет обратить в объект торговли все, к чему сумеет прикоснуться в своих судорожных поисках цифр – денежных единиц. Подшлшифует, запакует в цветастую коробку, повесит цену, выставит на продажу.

И почти бесполезно отыскивать в мире хоть что-то, что никогда не будет выставлено на торги. Торгуют человечьими телами и внутренностями, торгуют взрослыми и детьми, торгуют именами, торгуют словами. Поэтому величайшая удача отыскать на свете то, что упорно сопротивляется своему обращению в товар, беспощадно обжигает прикасающиеся к нему торговые руки. Воистину, задача из сказки. «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»…

На мой взгляд, такой предмет, не желающий одевать на себя пеструю упаковку, получать цену и становится товаром, в мире все-таки есть. Более того, борьба за его обращение в товар началась отнюдь не сегодня, а в давнюю пору, когда о рыночной идеологии еще никто не слыхал. Когда рынок был всего-навсего местом обмена плодами своих трудов крестьян и кузнецов-гончаров-сапожников-стекольщиков. И битва за столь драгоценный товар идет по сей день, но без всякого успеха ловких финансово-торговых умов. И секрет столь непонятного торжества «противотовара» в том, что его защита никак не связана с оберегающими его людьми, которых в наше время могло бы и не остаться (как по существу не осталось защитников католической веры). Нет, противодействие странного предмета определяется исключительно его сущностью, порождающей интересные его свойства.

О чем же идет речь?

Недавно я смотрел старенький фильм времен своего детства. Разумеется, роняя слезы ностальгии. Может, кто-нибудь помнит этот прекрасный фильм «Гостья из будущего», бывший любимым у детей 80-х?!

Конечно, теперь он смотрится совсем по-иному, чем в те давние годы. Слова одного из героев, деда Павла «Да, славные были денечки в конце 20 века» звучат теперь трагически, картины нарисованного в кино будущего мира вызывают печаль. Ибо будущее пришло неожиданно скоро, всего-навсего через 4 года после выхода фильма, и оказалось совсем не тем. Более того, пришедшее будущее закрыло нам дорогу к тому наивному советскому будущему, что красовалось на экране. И денечки конца 20 века нами прожиты, и мы можем теперь судить, насколько они были славными… Главному герою картины, Коле Герасимову, пришедшие денечки принесли смерть. Он по-простому, без всякой фантастики и машины времени, спился. И погиб в дыму пожара, который сам и устроил по пьяному разгильдяйству…

Догадываетесь, о чем я говорю? О нем, о будущем, которое не вызывает страх лишь у того, кому в сегодняшнем дне нечего терять. Кроме своей жизни, которую не особенно и жалко. Всем же, кому есть что терять, будущего боятся. Вернее, желают иметь особенное, кастрированное будущее, лишенное главного своего свойства – быть качественно иным по отношению к настоящему.

Как изобразить течение времени? Кто-то начертит две фигуры – круг и стрелу, и скажет, что по первой схеме время идет для человека аграрного прошлого, по второй – для людей индустриального и постиндустриального настоящего. Но если добавить в схемы чуть-чуть реализма… И круг тут же обратится в причудливую спираль, а прямая – в ломаную линию. Ибо вкрадывается в течение времени нечто, что способно его менять почти молниеносно, и практически непредсказуемо, отправляя в утиль труды множества аналитиков и прогнозистов.

Это «что-то» уже обнаружено и названо, и имя ему – время Ляпунова. Наступление такого волшебного времени в жизни физических систем описал гениальный русский ученый Илья Пригожин в Теории диссипативного хаоса. Социальные системы он не описывал, но очевидно, что вероятность наступления в них времени Ляпунова не может быть ниже, чем в физических. Только выше, ибо играет роль огромное количество факторов, вообще не поддающихся учету.

Главная особенность времени Ляпунова – это нарушение всех причинно-следственных связей, когда ничтожные по своей силе причины радикально изменяют состояние всей системы. Ученые любят приводить аллегорию о взмахе крыльев японской бабочки, порождающий сход снежных лавин в Гималаях.

Каждый без труда найдет в своей жизни моменты наступления этого времени. Само появление на свет (вероятность которого была на самом деле ничтожно мала, хотя бы потому, что яйцеклетку оплодотворяет всего 1 из более чем 1000000 сперматозоидов), женитьба (или замужество), рождение детей, наконец – смерть. Кто-то, попав в таинственное время Ляпунова, навсегда остался инвалидом (к примеру, кирпич упал на голову), кто-то моментально разбогател (случайно нашел клад). Да что там говорить, если время Ляпунова наступает при каждой серьезной пьянке, ведь ее результат не определить заранее.

Общество – это очень много людей, разумеется, со своими жизнями. И если множество ломаных линий жизни сложить в одну, то едва ли получится идеальная прямая стрела, направленная вперед. Да и ровненького кружочка тоже не выйдет. Потому и содрогаются народы от войн и революций, часто принимая на себя то, что уж явно не в их интересах. Это только в трудах Маркса революции были логически выверенными и всегда прогрессивными, тянущими строго в направлении «прогресса» и получившими гордое наименование «локомотивы истории». Может, они и в самом деле локомотивы, но тянущие сразу в четыре стороны – кто пересилит?!

И природа, то есть – физическая система, тоже имеет свое время Ляпунова, и на людей нет-нет, да воздействует. То эпидемия, то землетрясение, то наводнение. А есть еще астероиды да метеориты, о которых мы в повседневной суете просто не думаем.

Любой товар должен иметь документ, в котором четко обозначены его потребительские свойства. Ну, или на словах кто-то должен их обозначить, может и не совсем верно, но все же хоть в чем-то близко к истине. Например, что холодильник вырабатывает холод, телефон предназначен для разговоров, а электрическая печь – греет. Потребительские же свойства будущего обозначить в принципе невозможно.

Поговорим о том, кто же стремится стать покупателем будущего, кому нужен этот своеобразный и опасный товар. Разумеется, это те, кто пытался торговать им с незапамятных времен, то есть – ростовщики. Субсидирование денег под проценты, т.е. под будущие доходы, известно с давних времен, первые инструкции по этому роду занятий даны еще в Ветхом Завете. Причем там кредит изначально рассматривается, как оружие, направленное на чужих, и не применимое в отношении своих. Одно это обстоятельство уже заставляет задуматься об опасности обращения с такой опасной вещью, как будущее. В дальнейшем, после победы кальвинистской революции и ее распространения на Северную Америку, количество видов деятельности, пытающихся оперировать с непрозрачным будущим неуклонно росло. Страховой бизнес (принявший невероятные размеры), биржевая торговля. Основной товар товарной биржи сегодня – фьючерсы, то есть договора на будущие поставки. Снова будущее…

Одним словом, деятельность, связанная с операциями над будущим сделалась тканью современной жизни. А будущее… Осталось все таким же непроглядным, наполненным туманом, как и прежде. Содержащим ядовитые зерна «времени Ляпунова».

В итоге складывается жуткая картина. Цивилизация, претендующая на владение всем миром обращает все, до чего дотрагиваются ее руки – в товар. Как царь Мидас. Но главный ее товар товаром и не является, и стремится отомстить тому, кто стремится его таковым сделать. Причем, чем большего господства она будет достигать, тем более непредсказуемым, то есть – опасным сделается ее будущее. Больше людей со своими жизнями и судьбами – больше вероятных точек волшебного времени Ляпунова. Все возрастающее потребление верхушки этой громадины (иначе нельзя, ибо денежные единицы – смысл жизни, связь с Небесами) требует, чтоб движению во времени сопутствовало движение в пространстве, по всей Земле. То есть по полям непредсказуемости, которыми являются народы с разными языками и культурами. Все равно, что по минным полям…

Вожди современной протестантской цивилизации, то есть цивилизация цифры, об этом знают. И потому не прекращаются попытки западных умов будущее «подтесать», обработать, обратить, наконец, в товар. Самый простой способ – это просто покончить с ненавистными кругами и линиями, которые всегда будут ломаться и виться в спирали, и обратить время в одну точку, поставленную раз и навсегда. В вечное настоящее.

Крахмальный белый воротничок, пиджак без единого пятнышка (каждый день – новый). Представитель американского истиблишмента. Его дни – гордость и радость оттого, что он стоит не под деньгами, а над ними. То есть – уже предопределен к вечной радости, которой не помеха даже и смерть. Хотя смерти лучше не надо, вдруг что-нибудь там не так, после нее. Все же прежней крепости пуританской веры уже нет. Что, впрочем, не мешает такому

Гость из будущего (Продолжение. Начало на странице 6)

представителю человечьего рода чувствовать себя на Земле пророком и говорить тоном, не терпящим сомнений.

Именно таков – Френсис Фукуяма. Фамилия не очень американская, да он и не скрывает, что его предки были японцами. Впрочем, это неважно, ведь каждому известно, что любой новообращенный всегда будет фанатичнее старых адептов, для которых половина их веры уже утекла куда-то в быт.

Его книга «Конец истории» прогремела на весь мир, именно в ней и было объявлено о сжатии времени в точку сегодняшнего дня, за которым уже не будет ничего. Он изучил распространение ценностей протестантской цивилизации в мире, и пришел к выводу, что в ближайшее время уже не останется уголков, где бы они не торжествовали. Победа над пространством и будет означать победу над временем, ибо и там и там двигаться дальше станет некуда.

Остаются лишь технические трудности. Например, технический прогресс теперь из слуги ростовщической цивилизации обратился в ее врага. Ведь он содержит в себе возможности революционных открытий, делающих день завтрашний непохожим на сегодняшний, а, значит – непредсказуемым. К примеру, появление альтернативных энерготехнологий может подорвать значение нефтяных регионов, и через контроль над ними уже нельзя будет контролировать весь мир. В итоге от глобальной цивилизации могут отколоться значительные куски, и нет гарантий, что после этого она выживет.

Что же, решить этот вопрос очень несложно, ибо денежных единиц вполне хватит, чтоб выкупать такие проекты у ученых, а потом прятать их куда-нибудь подальше. Ну а если ученому важнее денег реализация его мыслей… Тоже чего-нибудь придумать можно, обратить в никем не видимого и неслышимого неудачника, для этого тоже технологии есть.

Сложнее с самим человеком. То, что он появляется на свет рождением и обязательно уходит из него через смерть, заложено в его природу. И уже это создает большое поле непредсказуемости. Кто пообещает, что дети будут мыслить в точности, как родители и поддерживать, как эстафетную палочку, их былое «сегодня»?! Потому лучше, чтоб без детей, а тем, кто живет сегодня, хорошо бы подарить то, о чем в тайне, наверное, мечтает каждый. Бессмертие здесь и сейчас, на этой Земле, навсегда. Потому соответствующие биологические науки следует наоборот, развивать. Чтоб они когда-нибудь научились вырезать из ДНК проклятый кусок, отвечающий за самоубийство клеток.

Разумеется, бессмертие будет даровано не всем. Избранным. По началу – самым богатым, потом – просто богатым, но однозначно, что дальше «золотого миллиарда» это чудесное средство не пойдет. Ибо остальное население Земли – проклятые конкуренты за ресурсы. И конкурентами они останутся даже если в точности переймут всю протестантскую систему ценностей, т.е. обожествление денежных единиц и всего, что с ними связано. Просто «Голиаф не вынесет двоих» (а троих, четверых – и подавно)…

И будущее наконец-то сделается идеальным товаром, который можно резать кусками и продавать через банки да биржи. Но…

Трудно себе представить размер того страха за свою жизнь, которую испытают эти выведенные генетиками «новые люди», который сделается оборотной стороной бессмертия! Ведь генетические мероприятия едва ли защитят от смерти в результате травм. Потому западным людям придется переделывать среду своего обитания, чтобы достичь невероятного уровня безопасности. О войне уже не может быть и речи, ведь известно, что побеждает не тот, кто лучше владеет искусством убивать, а кто меньше боится погибнуть сам. Конечно, можно воевать и одними только роботами… Только противник вместо того, чтоб идти с пистолетом против робота, легко может взрывпакет в мусорный бак прямо под носом «хозяина жизни» подложить. Не убережешься…

Одним словом, поддержание «вечного настоящего» будет требовать очень больших жертв. При этом мировые ресурсы будут неуклонно сокращаться, на что Запад сможет ответить лишь новыми и новыми мероприятиями по сокращению численности конкурентов за них.

Результатом будет окончательное разделение мира на две неравные части, различные теперь уже даже биологически, и, само собой, смертельно враждебные друг к другу. Честно говоря, пока еще даже трудно представить себе глубину ненависти смертных, вдобавок еще искусственно обрекаемых на вымирание к тем, кто сделался бессмертным, не имея к тому никаких справедливых оснований.

Для одной части мира иное будущее, чем точка настоящего, сделается источником последней надежды, которая оправдает любые жертвы. Для другой – кошмаром, описать который даже тяжело в словах сегодняшнего дня. Однозначно, что он превысит все бывшие ранее страхи цивилизации вместе взятые.

Далее может совершиться лишь одно – обращение точки «вечного настоящего» в пылающую точку нового разветвления, времени Ляпунова, в которой вырвется наружу мощь времени, зажатая годами «либерального застоя». Сейчас нет возможности не только предсказать наиболее вероятный сценарий этого подобного вспышке сверхновой звезды события, но даже подсчитать вообще возможное количество сценариев. 10, 100, 1000…

Оказалась ли Россия самым слабым местом либерализма, как когда-то, в начале 20 века – империализма? Трудно сказать. В отличии от значительной части исламского Востока русский народ либерализм принял. Чтобы через 8 лет его отторгнуть, и получить особенный, «адаптированный» либерализм, «специально для русских», вошедший в историю, как Путинизм. От либерализма классического он отличается большим принуждением (и прямого, и косвенного, через СМИ), временами переходящим в откровенное запугивание. На него народ восновном ответил демонстративным непринятием его ценностей. Правда, главным образом - через массовое пьянство и наркоманию.

Сейчас результаты этого эксперимента отлично видны, и продолжать его не имеет смысла. О том, к чему может привести продолжение опыта над народом, можно легко догадаться.

Что же, один из возможных путей будущей великой исторической развилки – стирание русского народа с лица земли (ну, может, и не полное, с сохранением какого-то реликта, по занимаемому месту в дальнейшей истории - вроде современных эвенков). Разумеется, оценивать подобный путь – занятие бесполезное, и к тому же проверять эти оценки будет уже некому. Само собой, и автор тоже исчезнет вместе со своим народом.

Лучше обратим внимание на некоторые особенности русского мышления, которые делают русский народ не только слабым местом охвативший мир цивилизации, но и позволяют ему претендовать на главенство в борьбе с ней.

Русской мысли удалось связать в себе духовность и технику, что больше не удалось сделать ни одной цивилизации мира. Для других – либо техника (как для Европы), а духовные вопросы можно отложить, даже - навсегда. Либо – духовность (для Азии), а техника – по необходимости, конечно – чужая. Своей – нет, и не будет.

В настоящее время, как мы выяснили, наш цивилизационный противник бьет сразу на всех направлениях. Он давит традиционную духовность и останавливает технический прогресс во имя «вечного настоящего». Потому ответ ему должен содержать в себе и духовность и технику, связанные в одной идее. Такая идея у русского народа на сегодняшний день имеется, имя ей – КОСМИЧЕСКОЕ БОГОИСКАТЕЛЬСТВО.

Конечно, это – не гарантия победы, это лишь одна из надежд на нее. Тогда, когда мы помещены в вечное настоящее, в котором у нас ничего нет, зато впереди простирается иначе возможное, многомерное будущее. Мстящее будущее. Где нам все равно нечего терять.

Товарищ Хальген
2011 год

Убийство русского человека

Древняя мудрость гласит, что человек состоит из трех начал – Духа, души и плоти. Продолженный за пределы самого себя расширенный до народа человек также сохраняет эти начала. Дух народа – это его вера, душа – его кровь и все, что передается с ней, то есть народные предания, мифы, легенды, представления о добре и зле, о прекрасном и уродливом. Тело народа – его почва, земля, от которой он черпает свою силу, по выражению Л.Н. Гумилева – кормящий ландшафт. Удар по любой из трех составляющих способен нанести народу смертельную травму, обратить его в бессмысленную людскую россыпь, которая в лучшем случае может стать материалом для формирования нового народа, но уже совсем не того.

Три начала народа – вещи общие, их вроде и не заметно, пока они не наполнят собой каждый день народной жизни, не вольются в каждое его мгновение. И вера, и кровь и почва организуют мгновения, дни, годы и века народного бытия, обернувшись в традиционные занятия народа. Вера придает им высший смысл, кровь обеспечивает наследование из поколение в поколение, а почва обеспечивает необходимым материалом. Ведь ремесла – они вроде лестницы, начавшейся от землицы и ведущей в небеса. Чем больше лет ремесленному памятнику, тем явственнее в нем видны все три начала.

Резные узоры, тот вид ремесла и искусства, который у многих всплывает перед глазами при одном лишь упоминании слова «Русь». Почва дала для него материал – дерево, а так же сложный набор символов, которые око мастера узрело среди природы. Растения, птицы, знаки воды и небес. Кровь принесла толкование значения этих символов, а так же знания о том, как вырезать их на податливых древесных листах. Дух же нес веру в то, что резные узоры способны защитить душу от темных сил и привести в защищенное пространство светлые ангельские сущности.

На Руси много почвы, потому рождалось и много ремесел, которые при всем их различии имели общий смысл и общую задачу. Одни и те же символы украшали и резные наличники, и росписи шкатулок, и глиняные кувшины, и кованые плуги. Секреты ремесел продолжали свой таинственный путь из поколения в поколение.

После много чего изменилось. С того момента, как в эпоху Петра 1 Запад послал Руси свой холодный поцелуй, стал таять смысл ремесел, их символический смысл стал вырождаться в простую стилизацию. Позже русское производство обрело новый смысл – построение на Земле общества небесного порядка, устремленного в мерцающий звездами космос.

Что было хорошо, а что нет – разбирать уже не имеет смысла. Гораздо лучше найти общее, что связывает вехи жизни русского народа. Это общее – в стремлении подражать Богу-творцу, создавая свой символический мир. В этом русский народ всю свою жизнь имел Богоподобность, вплоть до сегодняшнего дня. Преобразование темной и глупой материи высшим Смыслом – вот содержание каждого дня жизни русского человека.

У иных народов была иная Вера, иная кровь и иная почва. Часто народы не имели возможности промышлять многими ремеслами, и единственное ремесло делалось основой их принадлежности к данному народу. Например, в современной Финляндии к представителям народа лопарей относят тех, кто не только рожден от лопаря и лопарки, но и занимается традиционным лопарским ремеслом – оленеводством.

Но хуже обстояло дело у народов, которые вовсе не имели своей почвы, и долгое время скитались среди других народов мира, либо если народ своей почвой имел узкую береговую линию, переходящую в безбрежные океанские воды. В таком случае вместо ремесла у народа возникало занятие иного рода – распределение и перераспределение, торговля, ростовщичество. Предмет, достававшийся им от других цивилизаций, в руках таких народов сразу терял свой таинственный смысл, и делался просто единицей товара, имеющего свою ограниченную стоимость. Символизм у них виделся не в предметах, а в удачливых и неудачливых сделках, совершаемых с товарными единицами, а то и с производным от них, то есть – с деньгами и прочими мерами стоимости. Народы-ремесленники в их глазах виделись людьми второсортными, ведь они были всего-навсего источниками ТОВАРА, в то время, как те чувствовали себя его ХОЗЯЕВАМИ. Впрочем, такой взгляд был возможен лишь при взгляде на предмет, как на ТОВАР. При рассмотрении его, как СМЫСЛА положение дел менялось, и вторые из ХОЗЯЕВ ТОВАРА обращались в профанов и невежд.

Список таких народов-распределителей может без труда составить каждый, кто как-то знаком с историей. Это, конечно, евреи, а также на разных исторических этапах – карфагеняне, финикийцы, венецианцы, генуэзцы, голландцы, швейцарцы, англосаксы. Между народами-перераспределителями и народами-творцами на протяжении всей истории шла борьба, закончившаяся однозначной победой первых. Вместе с победой цивилизаций распределения, победила и их идея взгляда на предмет, как на ТОВАР с вытекающим отсюда проклятием всех людей-творцов.

Есть у русского народа одна беда – это повышенный артистизм, легкость, с которой русские люди обретают облик других народов. Наверное, он – оборотная сторона врожденной чуткости русской души и ее стремление понять другого. Много раз это свойство играло с русскими людьми дурную шутку, разрывая русский мир на тех, кто вжился в чужой образ и на тех, кто – нет.

Сейчас происходит новый, весьма затянувшийся виток этой страшной игры. Люди с русскими фамилиями, потомки крестьян и кузнецов, воинов и священников, ныне, оскалив зубы в чужой улыбке, склоняются над колонками цифр и пачками платежек. В их головах крутятся чужие схемы поведения и отношения к людям, согласно которым каждый, кто творит головой или руками становится парием, человеком низшего сорта.

В масштабах общества это приводит к росту неуважения к созидающим людям, даже – к презрению в отношении них. Ныне это презрение переросло в то, что можно уже считать геноцидом в отношении истинно русских (то есть – созидающих) людей. Уровень доходов, получаемый от реального производства, на территории государства РФ ныне столь низок, что не предполагает расширенного воспроизводства, то есть возможности иметь более двух детей в семье. Значит, истребление людей-творцов происходит уже на биологическом уровне, на уровне крови.

Жить при минимуме достатка в эпоху, когда ценность человека всеми определяется, как уровень его доходов – дело нелегкое. Это – серьезное испытание, которое мало кто выдерживает. И потому все больше и больше людей стремятся попасть в среду распределяющих и перераспределяющих, то есть – уже нерусских. Те, кто вынужден оставаться в прежней своей среде, заниматься делом своих предков, чувствует себя таким же неудачником, каким лет двадцать тому назад ощущал себя молодой деревенский житель (ныне их почти не осталось).

Метод уничтожения народа оказался эффективным, гораздо более действенным, чем какие-нибудь лагеря смерти или массовые расстрелы. Ни к чему тешить себя иллюзией о том, что «счастливчики» этого времени, благодаря своему изящному исполнению роли «людей Запада» смогут создать на русской земле что-то жизнеспособное. Могильщики Руси вымрут сами, ибо с исчезновением русского народа пропадут и возможности дальнейших трудов в области распределения и кредитного дела. К распределению богатств иных народов их едва ли кто допустит, ибо они лишь артисты и подражатели, но не более.

Потому ныне возможен лишь один выход – оставшимся русским людям первым нанести удар по своим могильщикам и довести его до полного их уничтожения. Иного не дано. Они все равно – обречены.

Товарищ Хальген

Изгой

В городе кипит жизнь, по своим делам ходят люди. Кто-то радостен, кто-то – печален, а кто-то даже мрачен. Не в этом суть, ведь горе и радость размазаны по жизни равномерно, и победы часто сцеплены с бедами.

Но человек, идущей в стороне от них, чужой на их празднике жизни. И на трауре жизни – тоже. Его вроде бы и нет, но он обитает рядом с ними, не ожидая с их стороны ничего, кроме плевков и пинков. Он – изгой, и эта материя наполняет всю его жизнь, и перетекает в его потомков. Вот, кто-то из прохожих случайно глянул в его сторону и тут же скривил лицо, отвел взгляд, словно увидел дохлятину…

Человек продолжает свой путь в сторонке, где грязнее, где разрешили ему идти те, кто кривится, едва коснувшись его взглядом. Он их ненавидит. Он – шар ненависти, перекатывающийся среди них, под их копьями презрения. Он ненавидит их мир, и готов расцвести красным цветком пожара, пожирающего их цивилизацию, с ревом проглатывающего их правду и их веру. Просто пока у него нет силенок, но они – дело наживное, и если их мало сегодня, то кто сказал, что их не станет много – завтра?!

Зачем он нужен им, презирающим его, доверяющим (из милости) лишь самую грязную, самую отвратную работу?! Неужели, все дело только лишь в той работе, которую никто из них никогда не пожелает делать? Наверное, нет. Ведь, прежде всего, мир облепляет его презрением, а уж потом дозволяет брать себе дурно пахнущий труд, чтоб просто не исчезнуть с белого света. Видно, изгой необходим, чтоб их низшие, все-таки не чувствовали себя стоящими на краю бытия. Чтоб ниже себя они всегда видели грязного, завернутого в лохмотья человека, идущего по краю дороги и чурающегося их взглядов.

Для всякого общества необходимы священники, связывающие его сиюминутные земные цели с волей небес. Воины, оберегающие общество от внешнего врага, выплескивающие его энергию в сторону чужих земель. И труженики, мастера и крестьяне, каждодневно организующие материю в предметы жизни, предметы культуры. Вот и все, три сословия и три касты, слагающие каждое традиционное общество. Все прочее могло быть принесено лишь временем. Потому присутствие изгоя может говорить, а, вернее – кричать лишь об упадке.

Всем известна индийская четвертая каста, каста изгоев, шудра. Ее наличие многие историки считают традиционным для индийской цивилизации. Индуистские мудрецы оправдывали наличие этой касты. Но в то же время сами шудры находились вне индуизма, ведь людям этой касты было запрещено даже изучать веды. Потому философ-традиционалист Рене Генон доказал весьма позднее, приходящееся на период упадка, ее происхождение. Это, скорее всего, соответствует истине. По крайне мере, деструктивное действие этой касты на индийское общество (в котором ее представители были лишены всех надежд) не подлежит сомнению. Они – непременные участники всех бунтов, они в первую очередь переходили на сторону завоевателей, вторгавшихся в пределы Индостана.

При нашествии войска Махмуда Газневи представители многие этой касты приняли ислам, что означало внутренний раскол индийской цивилизации, потерю сплоченности. С тех пор земли Индостана много раз переходили от одних завоевателей к другим, и, в конце концов, оказались в руках англичан.

Ныне Индия обрела независимость, но противоречия между мусульманами, предки которых были шудрой и индусами по сей день ослабляют ее настолько, что она не способна обозначить себя как одна из региональных держав, центр одной из цивилизаций мира.

Незнакомая с индуизмом и учением о кастах средневековая Европа (как и Русь) в своей сословной структуре копировала кастовую систему с удивительным сходством. Но, разумеется, ни в средневековой Европы, ни на Руси не предполагалось наличие изгоев, шудры. Ведь небесное ИЗБРАНИЕ, согласно христианству, зависит лишь от воли Божьей, которая не может быть распознана в мире дольнем, на Земле. Здесь – лишь выполнение своего земного предназначения.

Но все-таки в Европе появились свои пария, причем, в отличие от Индии, европейские шудры были добровольными. Они пришли от руин своего погибшего храма, и поставили на карте Европы множество черных точек, своих поселений, именуемых гетто.

Окраина европейского города, на которую его обитатель едва ли заберется без особых к тому причин. Тут властвуют свои законы, здесь обитает народ Ветхого завета. Для него мир по ту сторону обветшалой стены гетто – чужой, из которого вместе с колокольным звоном сюда доносятся лишь плевки и полные презрения взгляды хозяев Европы. Представление об этом народе у европейцев не отличается особым изяществом, и еврей для них видится сгустком вшей и перхоти. На самом же деле он – сгусток ненависти ко всему, что живет и шевелится за забором его места обитания. И несгибаемая вера в собственную избранность, в свое предопределение, поколебать которую не в силах беды дня сегодняшнего.

Для людей Европы такое положение евреев было закономерным. Ведь они сознательно, по своей воле отреклись от Христа, сохранили для себя ветхозаветные законы. Значит, они не могут претендовать на иную судьбу, кроме как на судьбу изгоев среди людей Нового Завета.

Но, тем не менее, у некоторых европейцев к обитателям гетто время от времени просыпался интерес. Что происходит по ту сторону зловещих стен, какие мысли в головах у покрытых старыми одеяниями бородатых раввинов? Может, там хранятся безмерные мудрости былых тысячелетий, способные сослужить хорошую службу и сегодня?!

Что же, гетто оказались гостеприимны ко всем любопытным, и из уст раввинов в их уши потекло множество ветхозаветной мудрости. В сознании каждого слушателя тут же возникали мысли, как употребить открываемое им для своей пользы, чтоб быстро и без особенных усилий изменить свое положение среди соплеменников. Говоривший же раздумывал насчет изменения положения своего народа, о том, как из последних сделаться первыми.

Что же, слова со временем все-таки легли в подходящие уши, которыми стали уши богослова Кальвина. И Европу охватила идея ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТИ, говорившая о том, что посмертная судьба каждого из живущих уже определена на Небесах. А на Земле ее можно только угадать через даруемые тем, кто избран, земные богатства. И породил этот переворот новых изгоев, которыми отныне сделались все бедные, независимо от причин, погрузивших их в бедность.

Часть европейцев искала свой путь к спасению через удачу в накоплении богатства. Другая их часть обращалась в париев, обеспечивающих первых своим трудом. Да, так сложилось, что в эту историческую эпоху труд и отверженность сплелись вместе (но, как я уже показал, такое сплетение вовсе не закономерно). Именно это сплетение и породило могучее социалистическое движение, замеченное Марксом, но неверно описанное им. Не противоречие между трудом и капиталом, производственными силами и производственными отношениями лежат в основе революций, но противостояние презираемых и презирающих.

По большому счету наступившая эпоха «цифрового человека» есть развитие того же кальвинизма. Ценность человека в ней определяется исключительно количеством цифр - денежных единиц, которыми он обладает, и те, кто содержит в себе недостаточное их количество, автоматически превращается в пария. Ныне на присутствие изгоев указывает уже не только социология, но и география, ибо в них обращены уже целые страны и народы. Среди этих стран, увы, оказалась и Русь.

Попадание русского народа в ряд изгоев – особая история, ибо их наличие в обществе прежде было неведомо для русского человека. Русские – народ имперский, а имперская судьба требует объединения усилий всех людей, и для империи важен вклад каждого человека в ее создание. Потому у имперских народов не может быть ни изгоев, ни неудачников.

Увы, в тот мир, где русским людям пришлось сделаться париями, Русь ступила добровольно. Причем – даже с жаждой самопожертвования, как будто к западу от своих границ она пожелала отыскать тот путь в Небеса, которого не нашла на востоке.

Крепость Ниеншанц озарялась вспышками близких орудий, ноздри защитников и обитателей этого городка беспощадно щипало от порохового дыма. Русских – много, шведов – мало, остается только сдаваться. Тем более, что в русском плену – и почет, и уважение, и возможность служить в русской армии в званиях, более высоких, чем в родной, шведской. Над крепостью взвился белый флаг. Войско Петра Первого заполнило собой болотистую низменность невской дельты.

Каждый солдат ждет по окончанию войны лучшей жизни. Независимо от того, встал он под ружье по своей воле, или его к этому принудили. Причем лучшую жизнь он ждет не только для себя, но и для своих близких, и даже – для дальних. Для всей родной округи, из которой он отправился под пушечный грохот.

Теперь через широко распахнутое окно в Европу вроде бы могла влететь на Русь птица лучшей жизни. По крайней мере, торговля лесом и пенькой могла принести очевидную пользу всему народу, поддержав самые бедные, бесхлебные русские земли.

Но, прежде всего, на Русь влетела идея отвержения. Дворянство изо всех сил принялось делать из себя особенную, привилегированную касту, лишенную каких-либо обязательств. В конце концов оно лишило себя даже святой обязанности военной службы Государю. В то же время крестьяне превращались из свободного третьего сословия в сословие четвертое. Из уст большинства дворян в их сторону неслось лишь змеиное шипение, которое никогда не посылают в сторону своих соплеменников, пусть и стоящих ниже по сословию. К началу 19 века отношения между большинством дворян и их крепостными крестьянами напоминали отношения высших каст Индии с шудрой.

Стремясь дистанцироваться от крестьян во всем, среди дворянства стало распространяться отношение к Православию, как к низшей, «мужичьей» вере. Для себя дворянство принимало новую веру – масонство, увлечение которым делалось повальным. Причем русских дворян – вольных каменщиков вовсе не смущало, что европейские «товарищи» старательно скрывают от них основные тайны, допуская русских аристократов лишь до легенды об Адонираме.

Справедливости ради следует заметить, что деление на «высших» и «изгоев» тех времен имело множество патриархальных, заимствованных еще от прежней Руси черт, которые его в значительной степени ослабляли. Да и не все дворяне были проникнуты европейскими идеями, из-за чего Россия все-таки «не дотягивала» по отношению «высших» с «низшими» до европейских стран того времени.

Наличие презирающих и презираемых неизбежно привело народ к революции. Революция отнюдь не восстановила традиционное трехсословное, лишенное париев общество. Она принесла новых господ, которыми на первом этапе жизни Советской России оказались евреи. Поэтому потребовалась вторая, сталинская революция, после которой произошло некоторое восстановление справедливости, ознаменованное рождением ОБЩЕГО ДЕЛА, которым стало создание новой ИМПЕРИИ.

1991 год принес новый переворот, смысл которого русские осознают лишь сейчас. Ныне на Руси насильственно введено деление общества на «высших» и «изгоев» в самом отвратительном его виде, свойственном протестантской этике времен начала Европы нового времени. Ценность человека стала определяться исключительно его ценой (т.е. количеством единиц его богатства). Самые лучшие русские люди, способные к наибольшей самоотдачи во имя общего дела, ныне обратились в париев общества.

После Путинской «консервации» процесс проходил лишь в одном направлении – роста презрения «высших» к «низшим». Разнообразные попытки РЕЖИМА отыскать для НАРОДА «общее дело», вроде «удвоения ВВП» оказывались откровенным обманом, или, как принято выражаться самим РЕЖИМОМ – «пиар-ходами».

Потому мы и подошли к точке разлома, при котором РЕВОЛЮЦИЯ – неизбежна. «ПОСЛЕДНИЕ», отнесенные к этой категории без всякого права, ибо они – коренные жители Русской Земли, ее соль и сила, требуют своего ПРАВА сделаться ПЕРВЫМИ.

Потому смешны претензии либералов на обретение главенства в новой революции. Они не способны ни на что, кроме как повторить западную идею «избранности», поставив лишь на место избранных лично себя. Очевидно, что будущее лишь за той силой, которая покончит со всякими вариантами идеи «избранничества», даст народу ОБЩЕЕ ДЕЛО, по отношению к которому и будет формироваться структура нового общества.

Товарищ Хальген

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Часть 2. Начало в ШиМ-4)

Рустем Вахитов

Но вернемся от философии истории собственно к теории государства. Из трех элементов государства, выделяемых школьной теорией права – территория, народ, власть, – Устрялов считает наиболее важным территорию (строго говоря, первыми русскими геополитиками, системно и доктринально разрабатывавшими проблемы этой молодой науки, были евразийцы, однако, Устрялова в этом плане смело можно считать их предтечей).

Устрялов решительным образом не соглашается с тем мнением, что фактор территории не существенен: «… глубоко ошибается тот, кто считает территорию «мертвым» элементом государства, индифферентным его душе, – пишет он в статье «Логика национализма», – я готов утверждать, скорее, обратное – именно территория есть наиболее ценная и существенная и ценная часть государственной души, несмотря на свой кажущийся «грубо физический» характер»[1]. И, думаем, здесь трудно не признать правоту Н.В. Устрялова. Именно потому, что государство есть единый организм, где внутренней живой связью связаны все его элементы – и территория, и народ, и власть, немыслим значительный ущерб для одного из этих элементов, а именно – территории без непоправимого ущерба для целого: «для государственного деятеля… «потеря территории» есть всегда «потеря живой силы», отмирание «части души»[2]. Эта мысль Устрялова столь же очевидна и метка, сколь и, увы, непонятна многим современным деятелям, даже называющим себя патриотами (вроде небезызвестного И. Шафаревича, который в роковом 1991 в своих статьях в «Нашем современнике» ликовал по поводу «освобождения России от нерусских территорий»), как и их предшественникам из белоэмигрантов, которые возражали Устрялову: что невелика-де заслуга – большевики восстановили имперскую российскую государственность… Однако любой непредвзятый человек, чуждый перехлестам антикоммунистических эмоций, все же должен, думаем, признать целостность феномена любой, в том числе и нашей российской цивилизации. А отсюда прямо следует, что Россия не будет прежней – Россией великой литературы, Россией уникальной интеллигенции, Россией напряженного православного миросозерцания, Россией обостренного чувства «социальной правды», без естественных территориальных приобретений, без Средней Азии, Закавказья, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Обрубленная до современных убогих границ живая плоть России вряд ли способна на те же творческие высоты, которая знала Россия великодержавная – и на этапе Империи, и на этапе СССР. Точно так же, как человек, которому оторвало руки и ноги, превратившийся в беспомощного инвалида, никогда не будет тем же самым человеком, каким он был до этого несчастья: физическое увечье нанесет тяжелейшую рану его психике, изменит его мироотношение, мировоззрение (отличие состоит лишь в том, что человек-калека уже никогда не станет физически полноценным, что же касается государства, то «отрубленные» от него территории, при должной политической воле и напористости правителей, при готовности народа к жертвам ради отечества, могут «прирасти» обратно, но процесс будет долговременным и сложным)… И еще одно подтверждение этому – культурное бесплодие новой, «демократической России», которая так и не смогла породить что-либо хоть отдаленно дотягивающее до уровня, скажем, классической русской или советской литературы, при всех «свободах» и «бесцензурности». В самом деле, не сравнивать же Шолохова, Пастернака, Замятина и… какого-нибудь там Сорокина.

Более того, как пишет Н.В. Устрялов: «лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой. Души «малых держав» не лишены возможности быть изящными, благородными, даже «героичными», но они органически неспособны быть «великими». Для этого нужен большой стиль, большой размах, большой масштаб мысли и действия»[3]. Действительно, те, кто противопоставляет «великое государство» и «культуру» (а именно этим любят заниматься наши либералы, рассуждающие в том духе, что, чем земли собирать, нужно экономику и культуру развивать) предлагают ложную антиномию, ведь даже согласно школьному определению, культура есть все, что создано человеческой деятельностью, говоря общо, народом, нацией, а сюда входят не обязательно духовные, но и материальные достижения. Значит, и созидание государственности – точно такой же феномен культуры, социального, национального творчества, как и создание литературной традиции, своеобычной живописи, архитектуры. И, собственно говоря, не бывает одного без другого, история показывает, что если нация переживает творческий подъем, если ее силы велики и энергия брызжет через край, то это проявляется и в искусстве, и в философии, и в науке и, наконец, в политике, в государственном строительстве. Этапы государственного взлета всегда более или менее соответствуют этапам расцвета искусств и наук: в золотую эпоху императорского Рима был и золотой век римской поэзии, век Вергилия, Горация, Овидия, немецкий романтизм и немецкий идеализм лишь ненадолго опередили великодержавный порыв Бисмарка и возвышение 2-го Рейха, наконец, большевистское собирание российских земель и возрождение великой и могучей России под именем СССР тоже повлекло за собой сначала «вторую жизнь» Серебряного века (Маяковский, Пастернак, Есенин, Клюев, Цветаева и т.д.), а всего через несколько десятилетий – взлет собственно советской культуры – прозы «деревенщиков» Распутина, Астафьева, Белова, поэзии Евтушенко и Вознесенского, Кузнецова и Межирова, философии Ильенкова и Лифщица, критики Кожинова и Сарнова и т.д. и т.д. И тем из либералов, которые восхищаются поэзией «шестидесятников» и проклинают при этом советский строй, следовало бы понимать, что без государственнической энергии и воли Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Феликса Дзержинского не было бы и творчества Евтушенко с Астафьевым, и даже Солженицына с Бродским, потому что и они, будучи противниками советского политического режима, были плоть от плоти порождениями советской культуры и, как теперь говорят, советского дискурса. Точно так же, как без орлов римских легионов не было бы Горация, а без славных побед Наполеона – Гюго и Бальзака.

На разных этапах своей истории государство может иметь разную идеологию: так, до 1917 года идеологией России был своеобразный монархический русский национализм, разбавленный православными лозунгами и европейскими идейными заимствованиями, после 1917 ему на смену пришел «марксизм-ленинизм», точнее говоря, сильно упрощенный и вульгаризированный марксизм. Но идеология, по Устрялову, вторична по отношению к самому бытию государственного организма: если сохраняется само государство, его территории, его естественные географические границы, сохраняется и сам стиль народа и цивилизации, а значит, с идеологией, какой бы «чужеродной» она ни была, вскоре произойдет «чудесное превращение», «врастание в почву». Как только Россия станет сама собой геополитически – великой евразийской Империей, любая ее идеология перемелется в своеобразный здоровый «российский национализм», если только она жизненна и отражает кое-какие черты национального характера: «… никогда не следует объявлять «ненациональною» новую власть страны за то, что ее идеология круто расходится с привычной идеологией старой власти. Новое время выдвигает новые стороны национального лика страны…»[4]. Устрялов предсказывает «обрусение коммунизма», превращение его из «немецкой штучки» в русскую и российскую идеологию и политическую практику, и тут он оказался совершенно прав. Уж на что большевики были воинствующими атеистами, противниками и очернителями «старого режима», имперской России, а постепенно, по мере того, как большевизм врастал в «русскую почву», пропитывался «русским духом» все стало возвращаться: и особое место Русской Православной Церкви (трудно отрицать, что после 40-х годов Православие в СССР хотя и было в двусмысленном положении, но все же терпелось, тогда как к разного рода протестантским и неопротестантским сектам позиция Советского государства была непримиримой), и почтение к древним славным полководцам от Дмитрия Донского и Александра Невского до Суворова и Кутузова, и даже офицерские погоны и рождественские елки… А сегодня «национальный поворот коммунизма», который Сталин производил практически, под давлением исторических обстоятельств, в современном русском коммунизме (Г. Зюганов, Ю. Белов и др.) обретает черты теории и доктрины.

Противоположное, кстати, тоже верно: самая патриотичная идеология не спасет страну и ее культуру и идентичность, если страна при этом остается обрубленной, искалеченной, лишенной естественного геополитического статуса, и если «идеологи» мирятся с этим. Современные российские либералы путинской генерации вроде бы «доросли» до некоторых патриотических идей, но подчеркнутое отсутствие пресловутых «имперских амбиций», сиречь здорового великодержавного инстинкта, сводит все на нет.

Второй по значению элемент государства – власть. К ней Устрялов подходит вполне прагматически и диалектически, он убежден, что не существует универсальных, наилучших всегда и везде политических режимов, каждая эпоха делает актуальным и востребованным какой-либо из них: Средние века – монархию, Новое время – парламентскую республику. В начале XX века западная буржуазная, формальная демократия исчерпала себя и подошла к гибельному для нее кризису: «… идет новая эпоха… Формальная демократия повсюду переживает сумерки , едва ли не превращается в собственную противоположность,»[5] - пишет Устрялов в работе, которая так и называется «Кризис современной демократии».

Суть сумерек формальной демократии в том, что померкли главнейшие ее идеалы – «права человека» и «суверенитет народа», так называемые «великие принципы 1789 года. «… свобода и права человека? – восклицает Устрялов. – О эта формула давно уж успела обрасти мхом! … чем больше свободы, тем меньше равенства». Не будучи социалистом, Устрялов признает некоторую правду социализма в том, что гражданская свобода – пустой звук в обществе с глубоким финансовым расслоением, где одни могут пользоваться обещанными законом свободам, а другие нет, где «свободная пресса», «свободные выборы» продаются и покупаются. Результат этого – тяготение общества прочь от свободы – к равенству, солидаристские и социалистические идеологии.

«Все для народа и все через народ – с иронией повторяет Устрялов старый лозунг, констатируя кризис парламентаризма – Как это просто на словах и как сложно на деле»[6]. В действительности, арифметическое большинство выборщиков, даже если выборы будут честными и безукоризненными, чего никогда не бывает в наше время, не составит «волю народа». Реально никакая «воля народа» и не правит в современных государствах, «реально правят авангарды социальных слоев: промышленной и финансовой буржуазии, рабочих, крестьянства. Фокус современной политики – за стенами парламентов. Политику делает инициативное меньшинство… Не избирательный бюллетень, а «скипетр из острой стали», хотя и без королевских гербов, сейчас в порядке дня»[7]. Недалек тот час, когда эти элиты полностью избавятся от оков формальной демократии или превратят ее в ничего не значащий пропагандистский фасад – пророчествует Устрялов, и опять точность его прогнозов поражает.

Цезаризм – так Устрялов характеризует этот новый политической строй, который в муках рождался в начале XX века и на Западе, и на Востоке, и за которым, согласно харбинскому мыслителю – будущее, хотим мы того или нет. Он описывает его так: «История словно стремится воспроизвести некоторые черты государства просвещенного абсолютизма, только, конечно, в существенно новом выражении… Индивидуализм XIX века... переходит в этатизм XX»[8].Строй этот по-своему демократичен и даже сверхдемократичен, но не в смысле формальной, представительной демократии. Он построен на отказе масс от власти и на передаче ее «активному авангарду, инициативному меньшинству… обычно завершенному инициативнейшей фигурой…»[9]. Примерами такого цезаризма Устрялов считает власть большевиков в России, фашистов в Италии. Но феномен этот не ограничивается теми режимами, к которым теперь к месту и не к месту лепят ярлык «тоталитарные». Устрялов находит медленное и своеобычное перерождение в цезаризм «демократической» Англии: «и даже в Англии нетрудно вскрыть, по существу, аналогичный процесс, но только в иных, свойственных английскому государственному гению, гибких достойных формах»[10]. То же самое и в США, режим Рузвельта, по Устрялову, уже есть цезаризм, хотя и прикрывающийся фразеологией демократии и фальшивыми украшениями парламента (кстати, не будем забывать, формально парламент существовал и в СССР, и в нацистском Рейхе). В статье «Пути синтеза (к познанию нашей эпохи)»[11] Устрялов подробно анализирует американскую идеократию и проводит, думаем, вполне оправданную параллель между рузвельтизмом и фашизмом в сфере экономики: «говоря об идеократической диктатуре, уже недостаточно ограничивать поле наблюдения только большевизмом и фашизмом. В какой-то мере нужно привлечь сюда же и американский опыт Рузвельта. Не сходящий, правда, с рельс демократической государственности, он все же озарен светом нового времени и представляет собой своего рода попытку легальной революции сверху. Вопреки исконному “духу” американской демократии, государство занимает командные высоты экономической активности, становится верховным контролером народного хозяйства …Нельзя не заметить, что реформаторская программа “голубого орла” по существу приближается, в общем, к социально-экономическим установкам фашизма. Тот же принцип “государственно-частного” хозяйства, управляемой, вернее, координированной экономики, та же идея междуклассового сотрудничества, и даже во многом похожие внешне формулировки задачи»[12].

Надо заметить, что Устрялов не был бы прагматиком, если б не оговорился, что он не считает цезаризм наилучшим и идеальным строем: «дыхание современного цезаризма… не есть откровение совершенства. Но я ни на минуту не выдаю его за такое. Я только констатирую его наличность. Я отчетливо вижу, что оно более глубоко и органично, чем сейчас кажется многим»[13]. Сторонникам формальной демократии, ужасающимся жестокости и жертвам ранних форм цезаризма, Устрялов предлагает вспомнить кровь, грязь и мучения, которыми сопровождалось установление в Европе той же формальной демократии 200 лет назад: вспомнить якобинский террор, кровавую колониальную политику «просвещенных» европейских демократий, а своим соотечественникам, русским, Устрялов напоминает о бездарности и недееспособности демократии Керенского, обрушившей Россию в пропасть социального хаоса.

Итак, Октябрьская Революция в России выдвинула, по Устрялову, нашу Родину в число передовых держав мира и в области политической структуры и ее строительства. Поэтому Устрялову и смешны выкрики эмигрантских либералов, которые ахают и охают по поводу утери Россией «демократии», «парламента», «разделения властей», этого политического антиквариата, хлама XVIII века, который, собственно, отвергнут самим Западом, где-то скрыто и исподволь, а где-то открыто и явно: «Откуда видно, что Россия, вместо того, чтобы в муках искать своего собственного выхода, предчувствованного ее глубочайшими умами и болезненно нащупываемого ее великой революцией – откуда видно, что вместо этого она должна пасть ниц перед линяющими западными канонами, зачеркнуть свою культуру и свою революцию, дабы обзавестись скорее «мирной демократической конституцией?»[14] – восклицает Устрялов, и сейчас мы вполне может разделить его удивление и негодование «отсталостью от духа времени» и политической слепотой разного рода либералов; тем более, ситуация начала XXI века прекрасно подтверждает прогноз Устрялова о все большем и большем укреплении государства, пускай и под фальшивые гимны «демократии» и «правам человека».

Наконец третий элемент государства – народ. В современной литературе можно встретить мнение, что Устрялов начинал как русский националист, а в конце жизни пришел к апологетике многонационального Советского Союза[15]. Это не совсем соответствует истине. Устрялов сразу же, еще в ранних своих программных статьях провозглашал, что высшей формой государства является Империя – многонациональное образование, и что хотя любая Империя должна иметь «племенное ядро», тем не менее, она не может и не должна быть инструментом узкого национализма метрополии: не только народ создает государство, но и государство создает народ, объединяет многие национальности, сплетая их исторические

(продолжение на 11 странице)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Часть 2) (Продолжение. Начало на стр. 10)

судьбы и культуры. Именно такова тенденция развития современных государств: «быть может, первоначально государство было связано с племенем, расой, народностью. Но с течением времени… государство приобрело независимое, самодовлеющее значение. Единство по принципу породы, племени… оказавшись чересчур узким и бедным, сменилось единством более высокого порядка»[16].

2.4. Национал-большевистское учение о революции

Учение Устрялова о революции – наверное, одна из наиболее оригинальных и значимых частей его национал-большевистского наследия. Благодаря ему, Устрялова смело можно ставить в один ряд с виднейшими отечественными и зарубежными исследователями феномена революции – от Жозефа де Местра до Питирима Сорокина. Основа подхода Устрялова к революции – диалектика. Это значит, как мы уже отмечали, что Устрялов не стремится «втиснуть» революцию в формально-логические схемы или, тем более, «заговорить» ее пропагандистскими заклятиями и заклинаниями, отнюдь, он принимает ее как факт реальности, сложный, внутреннее противоречивый и парадоксальный, как все в нашем мире, и стремится изучить его внутренние противоречия и проистекающее из них развитие.

Будучи консерватором, Н.В. Устрялов, конечно же, относился к революции как таковой скорее отрицательно, чем положительно, и призывал, где возможно, производить необходимые социальные изменения мирным, эволюционным путем. «… я весьма далек от революционного романтизма и отнюдь не склонен неумеренно восторгаться конкретным обликом русской революции, – пишет Устрялов в статье «Ignis sanat», – много в этом облике дурного, темного, отталкивающего, много такого, что должно преодолеть»[17]. И это понятно, ведь для консерватора государственника нет ничего болезненнее и страшнее, чем созерцать зрелище падения родного государства. Каким бы слабым и болезненным оно ни было, оно все же по сути своей было скрепами, которые удерживали народ от внутренних самоубийственных раздоров, а внешних врагов от соблазна военного вмешательства. Без государства же социальная стихия начинает «гулять» совершенно беспрепятственно, а внешний враг все больше и больше смелеть, в конце концов, доходя до прямых территориальных захватов. Революция в периоде разрушения всегда ставит нацию на край катастрофы и гибели, и если и рассматривать ее как лекарство, то нужно осознавать, что это такое лекарство, которое может и убить, и значит, применять его нужно лишь в случае крайней необходимости: «следует его (революционный взрыв – Р.В.) предотвращать до последней минуты, не теряя надежды обойтись без него…»[18].

Но напомним, что вообще-то эти слова принадлежат основоположнику национал-большевизма, одному из первых среди белой эмиграции принявшему Октябрьскую революцию. Ничего странного здесь нет, ведь Устрялов – еще раз подчеркнем это – исповедует диалектику. Революция есть свершившийся факт – указывает Устрялов, устранить его и сделать вид, что его не было, – значит впасть в худшую из иллюзий, закрыть глаза на объективный характер революционной катастрофы: «В России перед февралем все вопияло о грядущей революции. И те, кто мудро предвидя ее ужасы, хотели ее предотвратить, чувствовали трагическое бессилие сделать это. Скопившееся, набухшее зло требовало выхода, борьбы, организм стихийно требовал его уничтожения»[19]. Нет, вместо того, чтобы прятаться от революции в уютный туман пропагандистских заклинаний, любой здравомыслящий консерватор будет стремиться к тому, чтобы помочь Родине оправиться от горячки Революции, преодолеть самые ее вопиющие и экстремистские уклоны, сохранить все лучшее от старого режима, которое, конечно, будет востребовано, как только схлынет первоначальный огульный нигилизм. Революция, к счастью, в большинстве случаев – это не смерть социального, да и государственного организма, а болезнь, после которой, если произойдет исцеление, государство станет еще крепче, еще мощнее, еще страшнее для врагов. Революция творится революционерами, но сама по себе она – дело Исторического Разума. Революционеры могут забивать себе головы какими угодно утопическими теориями, по-гегелевски хитрый Исторический Разум их все равно «обманет» и превратит в простые орудия оздоровления и возвышения все того же, хотя и обновленного национального государства: «При всех мрачных своих пороках… она (русская Революция – Р.В.) несет с собою великое обетование – ту в целебном огне рождающуюся новую Россию, которая буди, буди (курсив Устрялова – Р.В.), и которая чается нам свободной от грехов России пошлого, хотя и глубоко связанной с ней единством субстанции, дорогих воспоминаний, единством великой души…»[20].

В ряде других статей Устрялов развивает эти идеи, и на основе обобщений опыта Французской Революции 1789 года и русской революции 1917 года создает особую, до сих пор не устаревшую и весьма эвристически плодоносную теорию революций, которая венчает его учение о государстве, дополняя и конкретизируя концепцию цезаризма.

Согласно ей, главным условием, чтобы Революция оказалась небесплодной, чтобы разрушительный смерч закончился зарождением и развитием новой государственности является народный характер Революции, ее, так сказать, социальная глубина. «Великие революции всегда органически и подлинно национальны, какими бы идеями они ни воодушевлялись, какими бы элементами ни пользовались для своего торжества – пишет Устрялов в статье «Потерянная и возвращенная Россия – в отличии от мятежей, переворотов и простых династических «революций»… они всенародны, т.е. захватывают собой всю страну… они экстремичны, и непременно углубляются до чистой идеи… становящейся затем активной силой целой исторической эпохи»[21]. Нужно быть слепцом или уж очень предвзятым лицом, чтобы не видеть глубины французского гения в революции якобинцев или русский национальный размах в революции большевиков. Однако все, что прикасается к живительным ключам национального духа, обретает творческий характер; именно поэтому великие революции, в отличии от «революций» тонкого, интеллигентского слоя», чуждых народу (таких, как Февральская революция 1917 года или контрреволюция 1991 года) в высшем смысле этого слова созидательны. Если они и разрушают, то только для того, чтобы на очистившемся месте выстроить новую государственность, новое общество, которое в силу единства исторической и культурной почвы, вскоре скинет с себя «кожу экстремизма» и станет приобретать национальные черты. Февральская революция привела лишь к развалу страны, фактическому роспуску армии, ситуации безвластия и социального хаоса, «либеральные реформы» 90-х годов XX века закончились тем же – Великая Россия разделена на множества государств, большинство из которых стали сателлитами Запада, экономический кризис достиг уровня катастрофы, ни один постсоветский режим фактически не является легитимным в глазах постсоветских народов. И сравним с этими с позволения сказать «революциями» Великий Октябрь 17-го, который породил одну из сверхдержав планеты, вернув славу российскому великодержавию и российской цивилизации!

Устрялов предлагает и схему развития любой революции: «якобинство-термидор-бонапартизм», которая напоминает гегелевскую диалектическую триаду: «тезис-антитезис-синтез».

«Якобинство» – период разрушения старого государства, сопровождающийся высвобождением социальной стихии, самыми ужасными безобразиями и крайностями, вплоть до безудержного и слепого террора и появления на «исторической сцене» отребья общества – преступников, люмпенов, психопатов. Во время якобинства производятся рискованные политические и экономические эксперименты, государство и общество более всего отрываются от своей национальной традиции, становятся беспочвенными. Господствуют экстремистские утопии, которые, конечно, совершено невыполнимы, но люди, опьяненные флюидом революции, как правило, просто не способны это заметить[22]. В Русской Революции период якобинства – это, конечно, 1918-1920 года, время красного террора, кровавого господства ВЧК, рейдов продотрядов… Впрочем, террор и диктатура русского якобинства, как и в случае с французскими революционерами, имели и положительную ценность для страны: они помогли удержаться революционному государству и противостоять иностранным интервентам, которые в случае своей победы готовы были расчленить Россию, превратить ее в своего сателлита.

Термидор – период внутренней, органической контрреволюции. Крайности и эксцессы революции уничтожаются не извне – сторонниками старого режима, а изнутри, самими революционерами, которые, устав от утопической горячки, переходят наконец-то к конструктивному государственно-национальному строительству. «Тезис» революции по закону диалектики превращается в «антитезис», на место карателям приходят дельцы, на место комиссарам-максималистам «цивилизованные» дипломаты и министры… – « Революция перерождается, оставаясь сама собой,[23] – пишет Устрялов, – путь термидора – в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов»[24]. Термидор не ставит крест на завоеваниях революции и не означает возвращения «назад», в старорежимную реальность (хотя многим ультрареволюционерам так и кажется), он просто, по Устрялову, обнажает истинные объективные цели и задачи революции, которые самими ее вождями, находящимися в плену экстремистских утопий, сплошь и рядом понимаются неверно (французский термидор выводит на историческую сцену крупного буржуа – подлинного «творца французской революции», для которого робеспьеры и мараты, сами того не понимая, и расчищали путь от обломков феодального абсолютизма, русский термидор явил миру русского крестьянина – фундамент советской революции, которая только лишь в программах большевиков была «пролетарской»; именно на его мирочувствовании и построен «советский проект», и именно для него революция и смела аристократию и сословные преграды).

Русский термидор начинается по Устрялову с подавления Кронштадского мятежа, который был последним всплеском революционаристской разрушительной энергии. Устрялов горячо приветствует ленинский НЭП. Как бы его ни объясняли сами большевики, по Устрялову НЭП – фактическое признание утопичности коммунистического эксперимента в экономике и возвращение к «нормальному», смешанному, частно-кооперативно-государственному хозяйствованию. Устрялов при этом восхищается политической гибкостью Ленина, который сумел стать и якобинцем, и термидорианцем русской революции (Робеспьеру это помешал сделать избыток идеологического догматизма, неумение почувствовать «изменение обстановки», расплатой же стала гильотина, на которую Робеспьер без счета отправлял врагов революционной Франции и на которой сам окончил свои дни).

Вслед за «экономическим Брестом» Устрялов ожидает и «Брест политический». «Ленинская, революционная гвардия» все больше будет отходить на второй план, а на место ей придет молодое, уже пореволюционное поколение, мыслящее не в терминах марксистской схоластики, а в категориях русского национального сознания, не фантомами мировой революции, а практическими задачами экономического оздоровления своей собственной Отчизны.

Наконец, третий этап революции – бонапартизм. Он являет собой синтез революнационаризма якобинства и «оппортунизма» термидора. Бонапартизм приносит последний всплеск революционного «стиля», но только лишь для того, чтобы окончательно уничтожить последние очаги революционной разрушительной энергии, окончательно укрепить и «замирить» пореволюционное государство. Устрялов писал о сущности бонапартизма в письмах к Титову и Авдощенкову от 1929 года: «…в чем сущность бонапартизма?… Он – сгусток подлинно революционных соков, очищенных от романтических примесей утопии с одой стороны и от старорежимной отрыжки с другой. Он – стабилизация новых социальных интересов, созданных революцией… Это – реакция, спасающая и закрепляющая революцию, по речению Писания: не оживет, аще не умрет»[25].

Бонапартизм, в то же время, и синтез противоположностей дореволюционного и пореволюционного государств, он возвращает «болевшую Революцией» страну на путь ее национального бытия, но, конечно, на новом его качественном уровне (недаром же роялист и традиционалист Жозеф де Местр восхищался победами Наполеона, видя в них возрождение величия Франции королей, а белый эмигрант философ Федотов писал, что при Сталине как будто вернулись старые времена – с рождественскими елками, погонами офицеров, нормальными, гимназического типа школами вместо «экспериментальных» и авангардных учебных заведений, славными именами Невского и Суворова в правительственных газетах, вместо злобного полоскания русских святынь революционными космополитами).

Бонапарт, приходящий вслед за термидорианцами, несет имперский размах и амбиции и, в случае успеха, невиданное расширение мощи, а то и границ государства.

Бонапарт русской революции, конечно, Сталин. Устрялов горячо приветствует его идею «строительства социализма в одной стране» (на формирование которой, как мы уже замечали, заочно повлиял, между прочим, и сам Устрялов), он с удовлетворением принимает разгром фракций в партии, так называемой «левой» и «правой» оппозиции. Троцкий, Зиновьев, Бухарин – олицетворение антинационального, космополитического курса в партии, победа Сталина же для Устрялова – это победа национал-большевизма над интернационал-большевизмом, победа России над «Интернационалом» в собирательном смысле этого слова. Устрялову не удалось дожить до второй половины 40-х, увидеть восстановление патриаршества в СССР, прекращение гонений на церковь, советский контроль над Восточной Европой и вообще положение второй сверхдержавы в мире, это дало бы ему еще большие основания для параллелей между Сталиным и Наполеоном. Но, во всяком случае, экспорт Революции за пределы России за счет ее «подмораживания» на Родине Устрялов предсказал точно. «Наполеон, как известно, “сковал революцию во Франции и возбудил ее в Европе” (В.Гюго). Он называл себя и был на самом деле – “Брутом для королей и Цезарем для революции”. Раз так, то советский Наполеон, – Цезарь Октября, – не может не стать в то же время Брутом для мировой буржуазии (курсив Устрялова – Р.В.)» - писал он в статье «Зарубежная смена»[26].

Более того, сталинизм, по Устрялову, есть органическая российская форма цезаризма. Как уже говорилось, с точки зрения харбинского мыслителя, вся мировая цивилизация так или иначе идет от выродившейся и отжившей формальной демократии к сильному вождистскому государству. Актуальный дух мировой политики выдвигает на первый план не парламенты, не межпартийные дрязги, а отдельных, легитимных в глазах собственных народов политиков, возглавляющих сильные государства. Ответ Германии и Италии на эпохальный вызов цезаризма, по Устрялову – Муссолини и Гитлер, ответ Англии и США – Черчилль и Рузвельт, ответ России – Сталин. Причем, только сталинизм есть настоящий, аутентичный цезаризм: английский и американский режимы лицемерно прикрываются обветшавшими лохмотьями формально-демократических институтов и фразеологии, итальянский и немецкий, на словах заигрывающие с социалистическими идеями, есть особая форма политического выражения плутократических, капиталистических групп. Сталинизм же подлинно выстрадан народами Великой России в огне и крови ее Великой же Революции, а значит, он в действительности, не в официозных газетных статьях, а по существу национален и народен (современным любителям всякого, кто симпатизирует сильному государству, записывать в «фашисты», мы укажем на то, что Устрялов был одним из наиболее резких и непримиримых противников фашизма и национал-социализма).

Таким образом, сталинизм не просто венчает драматический, но и героический путь русской революции, он в то же самое время вполне вписывается и в мировую парадигму политики и в этом смысле есть, согласно Устрялову, явление вполне своевременное и прогрессивное.

В заключении рассказа об устряловской концепции Революции нельзя не сказать несколько слов и об отношении Устрялова к идеологии этой Революции – большевизму. Очевидно, что, будучи православным консерватором, Устрялов не мог принять основные

(продолжение на 12 странице)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Часть 2) (Продолжение. Начало на стр. 11)

теоретические положения большевизма и марксизма: атеизм, исторический материализм, то есть сведение идеологии, государства, культуры к «экономическому базису», классовую теорию, учение о мировой революции. Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что Устрялов не видел вообще никаких положительных черт в теории большевизма и «принял» его лишь потому, что в силу некоей исторической случайности именно большевизм стал пускай неадекватным, но идеологическим самовыражением русской, национальной по сути революции. Отнюдь, несмотря на внешнюю антирелигиозность и материалистичность большевизма, по сути, отмечает Устрялов, он ближе к христианскому идеалу, чем другие постдемократические, цезаристские идеологии – например, фашизм и национал-социализм. Идеи большевизма – социальная справедливость, братство, творческое преобразование природы входят в круг христианских идей, тогда как фашизм при всех своих «компромиссах» с исторической церковью, питается языческим, а то и откровенно антихристианским мироощущением. Большевизм бессознательно религиозная и прохристианская идеология. «Говоря афористически, в советском жизнечувствии Бергсон превозмогает Маркса, и сам Маркс на ленинской палитре выглядит “почти Бергсоном”. В большевистской воле к новой земле и к новому небу неуклонно набухают все предпосылки подлинно трудового, религиозно-творческого отношения к миру и человеку – в то время как в большевистском интеллекте все еще пузырится и топорщится старый мелкобуржуазный, интеллигентский атеизм,» – пишет Устрялов в статье «Пути синтеза»[27]. Устрялов надеется, что именно эти черты большевизма позволят ему переродиться с диалектическим саморазвитием Революции в национал-большевизм, в одну из новых версий русской идеи. И во второй половине 30-х годов, как мы уже отмечали, Устрялов с удовлетворением констатирует, что Сталин перешел-таки от большевизма к национал-большевизму.

2.5. Национал-большевистское учение об экономике

Наконец, еще одна часть учения национал-большевизма – экономическая концепция. Отличие национал-большевизма от вульгарного марксизма и от либерализма состоит и в том, что национал-большевизм рассматривает экономику как несамостоятельную, подчиненную сферу. Интересы государства и нации для Устрялова, безусловно, выше экономических интересов тех или иных классов или даже сугубо материального процветания всего общества. В принципе, Устрялов является противником социализма в области экономики (но не в области политики, здесь, как помним, по Устрялову, социализм, впрочем, вопреки своему безгосударственному идеалу, воплотил передовую форму государственного устройства – цезаризм). Харбинский мыслитель именно в экономической теории сохранил более всего преемственности с правыми кадетами. Наиболее оптимальной формой хозяйствования он считает частную, не отрицая возможности сосуществования ее с другими, то есть выступая, говоря современным языком, за многоукладность экономики. Устрялов с удовлетворением отмечает, что за перерождением большевизма в области политической последовало его перерождение в области экономической. В 1918 году большевики отказались от утопических и экстремистских лозунгов немедленной мировой революции и одностороннего прекращения войны, стали оборонцами и государственниками, в 1921 году большевики отбросили модель «военного коммунизма» и признали право на жизнь за торговой стихией, до сих пор теплившейся под спудом. «… Знаменитый нэп есть предвестие хозяйственного оздоровления страны…»[28] – пишет Устрялов в статье «Потерянная и возвращенная Россия» и там же заканчивает парадоксальным выводом, что русская революция в итоге осуществила-таки… мечту Столыпина о «крепком хозяине» и более того, только революция и могла воплотить ее в жизнь, так как «исторический Столыпин, кровно связанный с поместным классом и старым абсолютизмом»[29], сделать бы этого не смог никогда. Кстати, современным апологетам П.А. Столыпина не мешало бы прислушаться к этой парадоксальной, но глубокой мысли Устрялова: действительно, трагедия Столыпина не только в том, что он пытался провести буржуазную реформу среди крестьян, наделенных явно общинной ментальностью, но и в том, что само государство российское в силу огромного количества феодальных атавизмов, исподволь препятствовало экономическому обновлению.

Советские вожди – от Ленина до Бухарина, – которые, как уже говорилось, внимательно следили за публицистикой Устрялова, за это обвинят его в мелкобуржуазности, но Устрялов… с восторгом примет это обвинение. Мелкий буржуа для Устрялова – это не карикатурный образ паразита из советской пропаганды, отнюдь, это – крепкий хозяин, который, по мнению мыслителя, идет на смену революционным фанатикам и чье историческое предназначение – хозяйственно оздоровить страну, порушенную интервенциями, гражданской войной и экстремальными экономическими экспериментами в духе «военного коммунизма». «Будущее – за экономически прогрессивными, хозяйственно-творческими элементами… – объявляет Устрялов в статье «Ответ налево (о лояльном сотрудничестве в новой России)», и довершает свою мысль, – «… вырисовывается и «человеческий материал», составляющий фокус новой России. Это в первую голову крестьянин-производитель, «крепкий хозяйственный мужичок» …… это новое поколение хозяйственников, деловиков из рабочих, кооператоров…»[30]. Устрялов защищает даже кулака, но советского кулака, который является патриотом своей Советской Родины, лояльным советским гражданином, выполняющим все обязательства перед государством. При всей парадоксальности этой мысли Устрялова, она не лишена логики. Советская пропаганда эпохи коллективизации пыталась представить кулака или нэпмана как врага Советской власти, мечтающего о возвращении старых порядков, «внутрисоветского белогвардейца» (и этот же штамп повторяет нынешняя антисоветская, антикоммунистическая пропаганда, только меняя оценки на противоположные). Но на самом деле все было гораздо сложнее. Устрялов подчеркивает, что кулак, нэпман, кооператор – такие же порождения Революции, представители новой России, как рабочий или бедняк: «в большинстве, они вышли из революции…»[31]. Они даже более достойны звания советского и пореволюционного класса, чем верхушка большевиков – так называемая «ленинская гвардия», которая в большинстве своем состоит из «людей старой России», из интеллигенции императорского периода, живущей, как и вся русская интеллигенция, фантомами и романтизмом и не чувствующей поступи «живой жизни» (Ленин, по Устрялову, был среди них редким исключением). И в самом деле, с чего это кулаку и нэпману желать возвращения старых властей? Для того, что ли, чтоб вернувшиеся старорежимные помещики и прежняя буржуазия отобрали у них земли и магазины? Уже опыт Французской Революции показал, что самое яростное сопротивление Реставрации оказывают «новые богатые», класс, появившийся и разбогатевший в результате Революции (собственно, французская пореволюционная буржуазия, в конце концов, исподволь подорвала вернувшуюся на штыках интервентов королевскую власть, и после двух революций во Францию снова вернулась республика). Устрялов особо подчеркивает выгоду сотрудничества «новых хозяйственников», да и широких слоев некоммунистической интеллигенции, с коммунистами для правительства и их лояльность к Советской власти[32]. Национал-большевизм Устрялов и воспринимает как «вторую советскую идеологию», предназначенную для широких беспартийных масс, не приемлющих коммунизма, но принимающих Революцию и ею порожденную Советскую власть, являющихся патриотами Советской Родины. Не обязательно при этом имеется в виду «новая буржуазия», сюда входят и служащие, и некоммунистическая интеллигенция. «Посильно отражать для себя настроения именно этих кругов мы сочли бы для себя почетной задачей... Но будучи искренне готовы … к самой тесной деловой работе с советской властью, мы позволим себе оставаться при собственном взгляде на … историческую роль великой русской революции, которую мы приемлем, но не совсем так, как это полагается по уважаемой «Азбуке коммунизма»,»[33] – пишет Устрялов статье «Сменовехизм». Легко догадаться, что под иным пониманием великой русской революции имеется в виду понимание ее как великой, национальной революции, выплеснувшей творческие силы русского народа и других народов России, обновившей Россию для новых, еще более великих, чем прежде, свершений, в том числе в области экономики и совсем не обязательно по «социалистическим», придуманным в партийных статьях тезисам: «… новая Россия рождается не по канонам партийной ортодоксии, а по законам реальной, крестьянско-рабочей революции с советской властью и компартией во главе, но со своим собственным содержанием …А раз так … то в новой России есть место не одним только коммунистам … Не только врачи, инженеры и агрономы, но и спецы более щепетильных областей ныне уже могут прилагать к делу свои способности и знания – с уверенностью, что их труд не пропадет даром для Родины»[34].

Но следует повторить еще раз: экономика для Устрялова – на втором месте. Если интересы государства, его усиление и рост требуют упразднения столь восхваляемой Устряловым частной собственности и тотального введения столь осуждаемой им же собственности общественной и государственной, что ж, он готов приветствовать и это. Потому в 30-х Устрялов – еще недавно страстный поклонник НЭПа, отрекся от прежник своих дифирамбов частному собственнику, горячо поддержал сталинскую политику коллективизации, коль скоро государство, находящееся во враждебном окружении, вынуждено столь крайними мерами спасти себя, а значит, и весь народ от иностранного порабощения (вспомним, знаменитую фразу Сталина: «если мы за 10-15 лет любой ценой не достигнем технического уровня Запада, нас сомнут»).

Часть 3 Развитие национал-большевизма

Несмотря на изменившуюся политическую обстановку, думается, вполне актуальными остались идеологические аспекты национал-большевизма. Здесь Устрялов является являет пример того, каким образом неославянофил и консерватор может признать определенные стороны большевистской Революции и Советской власти, не отступая от своих далеко не «левых» убеждений; а такой пример до сих пор очень и очень нужен для многих некоммунистических патриотов, повторяющих к вящей радости либералов-западников упрощенные и прямо фальсифицированные суждения о Ленине и большевиках, подобно «непримиримым» в первой эмиграции и тем самым длящим раскол между «красными» и «белыми» патриотами. Но легко заметить, что и многие сугубо теоретические идеи национал-большевизма Устрялова также не утеряли актуальности до наших дней и более того, оказались, без преувеличения сказать, пророческими. Обычно при этом обращают внимание на то, что Устрялов предсказал национал-патриотический поворот Сталина, гибель «ленинской гвардии» в результате внутренней, органической «контрреволюции» и переход советского государства из состояния революционной горячки в нормальное, конструктивно-национальное состояние. Это верно, но можно указать и на иное. Абсолютно оправдался и прогноз Устрялова относительно усиления государства в современном мире. Так, видный теоретик современной патриотической оппозиции В.В. Кожинов, опираясь на западные источники – от Тойнби до Фридмана, убедительно доказал, что вопреки пропагандистским саморекомендациям Запада, доля государственного влияния на различные области общественной жизни там неуклонно увеличивается: «в странах Запада … давно уже совершается «социализация» и сельского хозяйства и культуры (в широком смысле слова), не говоря уже о государственном социальном обеспечении … на Западе государства распоряжаются громадной (около 40% в США) или даже подавляющей (около 70% в Швеции) частью ВНП»[35]. А после 11 октября 2001 года в Америке откровенно начались процессы свертывания и политических, гражданских свобод (разрешение слежки, просмотр почты, увольнения инакомыслящих) – последнего оплота «великих принципов 1789 года», таким образом, современные Соединенные Штаты являют собой яркий пример предсказанного Устряловым цезаризма, лишь прикрытого фальшивыми украшениями парламента и демократической фразеологии, иначе говоря, «либерализма», идущего все дальше по пути фашизации. Следуя пропагандистской конъюнктуре «холодной войны», США постоянно противопоставляли себя как страну «рыночную» госсоциализму в СССР, но, в действительности, как видим, они продолжали и продолжают ту этатистскую традицию, которая возобладала еще при Рузвельте, и которая позволяла Устрялову говорить об особом неолиберальном аналоге фашизма.

Надо заметить, между прочим, что эти тенденции были заново открыты и проанализированы в 60-х годах XX века уже западными философами – так называемыми «новыми левыми» (Маркузе, Адорно), которые утверждали, что Запад, на словах «демократичный», на самом деле давно уже находится в стадии особого, неполицейского, «информационного тоталитаризма». Итак, мы можем констатировать определенную перекличку взглядов Устрялова и европейских «новых левых». Хотя, конечно, важно помнить, что новые левые решительно отвергали этатистский путь в любой его версии, а Устрялов принимал его как данность и предостерегал Россию от опасности увлечения идеями «демократии» в наименее демократический период истории (правда, нельзя не отметить, что из трех постдемократических версий авторитаризма – фашизма, неолиберализма и большевизма, он все же отдавал предпочтение большевизму, только дополненному консервативными и национальными чертами). Увы, пророческие предупреждения Устрялова не были услышаны современными российскими политиками, и сейчас мы наблюдаем разрушение нашей социальной системы, уход государства из сферы культуры, образования науки, массовую приватизацию, причем, все это делается русскими западниками с указанием на западный опыт и западные идеи, при том, что сам Запад, лицемерно повторяя пропагандистский бред о «государстве как ночном стороже», на деле поступает совершенно противоположным образом и наращивает государственную мощь.

Особого разговора заслуживает национал-большевистская экономическая теория. На первый взгляд, кажется, что она себя не оправдала: Устрялов рассчитывал на дальнейшее укрепление и углубление НЭПа, а в действительности, НЭП в России был свернут и началась

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н. В. УСТРЯЛОВА. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(Часть 2) (Продолжение. Начало на стр. 12)

коллективизация. Но опыт других социалистических революций, в частности китайской и вьетнамской показывает, что в сущности-то, Устрялов был прав: после экстремистских экономических экспериментов вульгарно-коммунистического характера (как, например, в Китае Мао-Цзе-Дуна) наступает эпоха экономического оздоровления, стабилизации и торжества многоукладности (реформы Ден-Сяо-Пина). В России этот естественный путь развития пореволюционной экономики был нарушен ввиду явной военной угрозы извне, которая заставила руководителей советского государства ввести мобилизационную модель социализма (еще раз напомним слова Сталина: «если мы за 15 лет не достигнем уровня европейских держав, то нас сомнут», мы кстати, полагаем, что если бы не исключительно неблагоприятные геополитические условия, бонапартизм прошел бы в России неизмеримо мягче). Китай избежал этого, так как он вышел из «угасания» своей Революции в эпоху конца «холодной войны», когда основные усилия Запада были направлены на разрушение СССР (можно сказать, что своей гибелью СССР «прикрыл» китайский социализм и дал ему возможность набраться сил не «мобилизационным», связанным с многими жертвами, а «нэповским», мирным путем). Кстати, в СССР в конце 80- тоже была попытка восстановить НЭП (в период, когда перестройка шла под лозунгом: «назад к Ленину!»), однако, идеологи горбачевского «неонэпа», сознательно ли, случайно ли, совершили одну стратегическую ошибку: такое «многоукладное» экономическое развитие возможно лишь при наличии сильного социалистического государства. Ошибка стоила дорогого. Увы, не было нового Устрялова, который объяснил бы всевозможным кооператорам и интеллигенции эпохи перестройки, рьяно выступавших за «демократию», развал СССР, прозападный курс, что ростки капитализма в России только и возможны при наличии большого, сильного и как уж сложилось исторически, социалистического государства с Компартией во главе, иначе, если Великая Россия-СССР распадется или ослабеет, она будет открыта для западных производителей, и первым результатом этого станет смерть самобытного, российского, производительного, а не спекулятивного капитализма – разорение кооператоров, частных предпринимателей, владельцев заводиков и т.д. И точно по той же причине распад Советского государства лишит почвы под ногами и попросту медленно, но верно уничтожит многочисленную интеллигенцию, поскольку рухнет и образовательная система, и институты культуры, и научные учреждения и проекты…. И для интеллигенции, и для деятелей «второго горбачевского нэпа» в основном (мы не будем брать в расчет малочисленные, хоть и широко известные группки «приспособившихся») их антисоветские настроения оказались самоубийственными. Устрялову, верно, сильно пришлась бы по душе фраза А. Зиновьева: «целясь в коммунизм, попали в Россию».

Наконец, чрезвычайно актуально звучат слова Устрялова о фундаментальности фактора территории для любой, в том числе и российской цивилизации, о том, что Россия не будет сама собой без великодержавия. Эта столь же глубокая и столь же простая мысль Устрялова должна быть обязательно внедрена в общественное сознание, так как сейчас, увы, осознание этого практически отсутствует. Верное доказательство того – объявление патриотом России нынешнего Президента РФ В.В. Путина, который неоднократно в публичных выступлениях отказывался от «имперских амбиций», высказывался в пользу понимания России как региональной державы, идущей в фарватере интересов Запада и всячески подчеркивал свою верность «беловежскому расчленению Великой России-СССР»[36] (и ведь это не только декларации, за ними следуют соответствующие дела). С точки зрения национал-большевистского великодержавия, «патриотизм» Путина точно такое же сепаратистское явление, как и «патриотизм» молдавских, украинских, узбекских, татарских и других националистов. Правда, путинский сепаратизм еще опаснее, ведь он стремится обособить не просто рядовую часть России как сверхдержавы, а ее империообразующее ядро. Здесь, мы не можем согласиться с современным исследователем С. Сергеевым, который утверждает, что в наши дни Устрялов был бы с Путиным и единороссами[37]. Для нас, напротив, очевидно, что Устрялов, который выше всего ставил территориальную целостность великодержавной России, был бы с партией, которая стоит не на позициях ущербного «постбеловежского» российского патриотизма, а на позициях истинного патриотизма, подразумевающего интеграцию в единое государство всего постсоветского пространства[38].

Мы живем во время всевозможных стереотипов, в том числе и относительно белой эмиграции, которую теперь, впрочем, как и прежде, представляют как сплошь монархическую и антисоветскую. Из пореволюционных течений эмиграции более или менее известно лишь евразийство. Разумеется, оно представляет гораздо более стройную, подробную и разработанную доктрину, чем национал-большевизм, тем не менее, и знакомство с оригинальными идеями национал-большевизма Устрялова может дать благотворный импульс для усилий патриотической оппозиции по осмыслению произошедшей с нами катастрофы и поиску путей выхода из нее.

Р.Р. Вахитов

[1] - Н.В. Устрялов Национал-большевизм, М. 2003 с. 95
[2] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 97
[3] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 95
[4] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 98
[5] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 395
[6] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 406
[7] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 408
[8] - там же
[9] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 399
[10] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 401
[11] - из сборника «Наше время» (1934)/Библиотека Олега Колесникова
[12] - «Пути синтеза»/ «Наше время»/Библиотека Олега Колесникова
[13] - Н.В. Устрялов Национал-большевизм М., 2003, с. 415
[14] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 396-397
[15] - см. К.А. Фетисов «Великая русская революция достойна Великой России (Жизнь и творчество Н.В. Устрялова)
[16] - Устрялов «К вопросу о русском империализме»/ Библиотека Олега Колесникова
[17] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 241-242
[18] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 244
[19] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 242
[20] - Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 244
[21] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 223
[22] - см. об этом, напр., в статье «Редиска» из сборника «Под знаком Революции»/ Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 146
[23] - статья «Путь термидора»/Н.В. Устрялов Указ. соч. С. 152
[24] - там же с. 154
[25] - цит. По С. Сергеев Страстотерпец великодержавия/Н.В. Устрялов Указ. соч., с. 40
[26] - впервые опубликовано в журнале «Утверждения» (Париж) №3 октябрь 1932 года, цит. по лектронному варианту из библиотеки Олега Колесникова
[27] - Устрялов Пути синтеза/Библиотека Олега Колесникова
[28] - Н.В. Устрялов Национал-большевизм М., 2003, с. 228
[29] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 228
[30] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 281
[31] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 281
[32] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 310
[33] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 311
[34] - Н.В. Устрялов Указ. соч. с.с. 281-282
[35] В.В. Кожинов «Беды и победы России» М., 2002, с.с. 497-498
[36] - в июле прошлого года, выступая перед российскими дипломатами, Путин заявил, например, что Россия не может рассматривать Среднюю Азию как сферу исключительно российского влияния, там, мол, должна развернуться конкуренция между многими «игроками» (по сути, это признание естественности факта превращения постсоветских территорий в сферу влияния США)
[37] - С. Сергеев Страстотерпец великодержавия/Н.В. Устрялов Указ. соч. с. 46, и уж тем более мы не согласны с проведением параллели между Ельциным и Лениным: дело в том, что при всем своем политическом «экстремизме» Ленин выступил как собиратель имперских земель (что и было самым важным устряловским аргументом в пользу союза с большевизмом), Ельцин же – как разрушитель России-сверхдежавы. Что же касается возможности «перерождения либеральной революции» 1991 года в великодержавие, то оно в полной мере не смогло осуществиться, видимо, в силу поверхностностного, ненационального характера этой революции» (см. об этом нашу статью Р.Р. Вахитов «От термидора к бонапартизму: логика либеральной контрреволюции»/альманах «Восток» июнь 2004 года)
[38] - Насколько нам известно, ясно, четко и принципиально такую задачу ставит разве что КПРФ

Геополитическое уравнение

В Европе традиционно существует три геополитических полюса: атлантистский – в лице Англии и Франции, евразийский – в лице России или СССР, и центрально-европейский, евроконтинентальный – в лице Германии. Интересы атлантистов и евразийцев прямо противоположны, а центральная Европа – т.е. Германия - занимает промежуточное положение. В определенных ситуациях она может стать на сторону атлантистов и Запада, в других – сблизиться с Россией и Востоком.

Это геополитическое уравнение решается снова и снова на всем протяжении последних веков. В том числе и с помощью войн. Иногда мировых.

Это самый тщательно сохраняемый секрет Большой Игры. Если Евразия = Россия смыкается с Центральной Европой, то атлантисты неминуемо терпят поражение. Если атлантисты вступают в союз с центральной Европой против России – Россия оказывается в безвыходном положении. Если Россия-Евразия объединяется с атлантистами – проигрывает в конечном счете Германия.

Англия накануне Второй мировой войны предпринимала все усилия, чтобы укрепить Гитлера в его антисоветских взглядах и натравить на СССР. Лондону выгоднее всего было уничтожить Гитлера руками Сталина. И вся геополитическая агентура Лондона в Берлине и в Москве работала строго в этом направлении. Увы, тогда эту партию атлантисты выиграли. Вначале пала Германия, потом через несколько десятилетий ослабла и стала распадаться красная евразийская империя - СССР. Отсюда возвышение и укрепление атлантистского полюса, который остался вне конкуренции. На сей раз в лице Соединенных Штатов.

Но в Германии и при Гитлере были проницательные геополитики, которые не могли не понимать, чем грозит Берлину самоубийственная политика войны на два фронта. Таким был Карл Хаусхофер, основатель немецкой школы геополитики, генерал и убежденный немецкий патриот. Хаусхофер настаивал на создании оси Берлин-Москва-Токио, предлагая объединить весь евразийский материк в единый стратегический альянс, в единый евразийский блок. Только в союзе с СССР, по справедливому мнению Хаусхофера, Германия могла бы справиться с Англией и реализовать свои мечты о мировом господстве.

У Хаусхофера были влиятельные ученики в окружении Гитлера, находившиеся в тайной оппозиции его сумасбродным идеям в области славянофобии и антикоммунизма. Будучи приверженцами великой Германии, а не конкретного политического режима, они старались сделать все возможное, чтобы добиться сближения между национал-социалистической державой и СССР."

Смысл соглашения Рибентропа-Молотова состоял в том, что Германия и СССР договаривались о разделе влияния в этой зоне. Главная задача – упразднить «санитарный кордон», т.е. линию из марионеточных государств, враждебных и Берлину и Москве и находящихся под прямым или косвенным протекторатом Англии. Германия и Россия ликвидировали буферную зону между двумя державами и создавали основную несущую конструкцию нового континентального стратегического альянса. Так, по крайней мере задумывалось Хаусхофером и его школой. Так видел ситуацию и сам Сталин, стремившийся любой ценой избежать конфликта с Германией. Если бы сторонники этой евразийской геополитической линии победили в Берлине окончательно, то мировая история пошла бы по-другому.

Англия и позже Америка были бы обречены. Европа стала бы зоной германо-советского кондоминиума. В результате которого развязался бы либо решающий конфликт, но у же в совершенно других условиях, либо из национал-социализма и коммунизма сложилась бы новая идеологическая форма – симбиоз, своего рода национал-большевизм. Центр планетарной власти находился бы в Евразии, и именно за Востоком, а не за Западом было бы решающее слово в вопросах мировой политики

Источник: Вехи-7

Николай Устрялов. К вопросу о русском империализме.

Служение родине налагает на каждого мыслящего гражданина обязанность выяснить смысл этого служения, продумать и оправдать его мотивы.

“Великая Россия” -- таков лозунг, объединяющий собою ныне самые широкие и разнообразные круги русской общественности. Мы боремся за честь и достоинство родной страны, “нам нужна Великая Россия”. Каково же реальное содержание этого продиктованного жизнью лозунга, как мыслятся основные условия его осуществимости, в чем сущность той идеологии, исповедание которой логически приводит к нему? Только тогда может быть разрешена проблема Великой России, когда будет отчетливо уяснен самый характер ее постановки. Настоящая статья ставит себе целью наметить в этом направлении определенные перспективы.

1.

Вера в “Великую Россию” есть прежде всего вера в русское государство. Иначе говоря, “Великою” Россия может быть лишь в качестве государства. К этому убеждению одинаково неизбежно приводят и данные “теории”, и живые факты эмпирической действительности.

Человечество настоящей исторической эпохи существует и развивается под знаком государственности. Жизнь современных “народов” есть жизнь государств. И, конечно, это явление не случайно, оно коренится глубоко в природе вещей. Народная “личность”, национальная “идея”, как всякая духовная монада, для своего проявления требует определенного е д и н с т в а. Нужен ц е н т р духовной энергии, действующей по целям, необходим оформляющий п р и н ц и п деятельности. Единое целостное начало должно скреплять собою то сложное многообразие, каким представляется историческая жизнь того или другого “народа”. И вот государство и явилось таким объединяющим, оформляющим, скрепляющим началом.

Государственная организация родилась на определенной стадии всемирно-исторического развития, когда низшие формы социального быта перестали соответствовать степени достигнутого человечеством культурного возраста. Быть-может, первоначально или, по крайней мере, в первоначальной своей “идее” государство было непосредственно связано с племенем, расой, народностью. Но с течением времени эта связь существенно ослабела[,] и государство приобрело независимое, самодовлеющее значение. Единство по принципу породы, племени, словом, “физиологии”, оказавшись чересчур узким и бедным, сменилось единством более высокого порядка. Правда, однородное племенное ядро полезно и для современного государства; но все же оно отнюдь не является его необходимою особенностью. Даже “нация” в том смысле, в каком ее теперь принято понимать наукою *), не может считаться его конститутивным признаком. Если теоретически нельзя отрицать, что нация способна создать государство, то в действительности несравненно чаще наблюдается обратный процесс: государство создает единую нацию. Благодаря объединяющей силе государства, прежде чуждые друг другу группы людей сживаются, взаимно сближаются, приобретают “множество общих своеобразных культурных элементов и общее историческое прошлое”. Так, напр.[имер], нередко бывает с покоряемыми путем внешней силы областями: проходят годы, и население этих областей, раньше сторонившееся и ненавидевшее своих победителей, привыкает к ним, иногда даже вполне сливается с ними. В этом отношении до последней степени поучителен и ярок стоящий ныне у нас всех перед глазами трагический пример Польши: пусть душа ее доселе едина, но разве не троится она, подобна телу, в котором обитает? Разве секрет, что если русские поляки всецело преданы России, то поляки австрийские, в общем, верны Австрии, а немецкие -- Германии?...

В самой государственности, в самой “эссенции” государства, очевидно, имеется какой-то крепкий фермент, способный удерживать в державном единстве элементы, подчас весьма разнородные. Государство современности претворяет в себе целую сложную совокупность различных национальных, расовых, этнографически, исторически и культурно своеобразных особенностей, пронизывает многообразное содержание единою творческою формою, объединяет отдельные элементы в некий высший синтез и под знаком этого синтеза являет себя человечеству и всемирной истории.

Государства -- те же организмы, одаренные душою и телом, духовными и физическими качествами. Государство -- высший организм на земле[,] и не совсем неправ был Гегель, называя его “земным богом”. Оно объемлет собою все, что есть в человечестве ценного, все достояние культуры, накопленное веками творчества. Государство -- необходимое условие конкретной нравственности, через него осуществляется в жизни Добро.

“Великая Россия” должна быть прежде всего государством.

Между тем, общеизвестно, что именно в русской культуре идеям государственности было очень трудно добиться признания. Не только славянофильская линия русской мысли, но и другие ее течения нередко относились к государству как-то недружелюбно: или с абсолютным, откровенным отрицанием, или с враждебною подозрительностью, или несколько презрительно, “свысока”. Это широко распространенное недружелюбие могло даже дать повод к заключению, что русский народ -- народ аполитический, безгосударственный, неспособный к организации, дисциплине и правопорядку. Однако, подобное печальное заключение опровергалось фактом великого и все растущего русского государства **).

Из всех “критиков” принципа государственности лишь Толстой неуклонно и до конца последователен. Вместе с государством он отрицал и всякое принуждение, “осудил” даже всю вообще “культуру”, а, главное, имел мужество отрицать и “Великую Россию”. Его проповедь приобрела от этого значительную моральную возвышенность и чистоту, но зато уже совершенно отрешилась от конкретной жизненной обстановки, прошла целиком “мимо жизни”.

Славянофилы верили в “русскую идею”, но связывали ее не с государством, а с общиною, “миром”, с “Землею”. Но глубоко ошибочно[й] должна быть признана их теория, резко отделяющая “Государство” от “Земли”. Эти начала нераздельны и принципиально, и фактически. Государство есть познавшая себя в своем высшем единстве, внутренно просветленная Земля. Земля без Государства -- аморфная, косная масса, Государство без Земли -- просто nonsens, голая форма, лишенная всякой реальности.

“Дух жизни”, в свое время воспетый Хомяковым, заставил Россию выйти на единственно достойный великого народа путь -- путь смелого и широкого государственного строительства. Вопреки бесчисленным внешним препятствиям, вопреки некоторым собственным нашим национальным свойствам, мы создали мощный государственный организм: повидимому, мы нужны всемирной истории, и она не дала нам погибнуть.

2.

Внутри каждого государства творится особая культура, универсально ценная, но индивидуально окрашенная; быть-может, универсально ценная именно своею индивидуально-своеобразною окрашенностью. Все те элементы, сложная совокупность которых составляет душу и тело государства, не исчезают в его конкретном единстве. Напротив, чем совершеннее государство, тем полнее и явственнее они сохраняются, придавая объединяющему их целому специфический, оригинальный облик. Каждая держава имеет свою собственную культуру, ряд особенных, только ей принадлежащих отличительных признаков. В этой культуре, равно как в этих печатью индивидуальности запечатленных признаках, и лежит источник того обаяния, которое присуще “отечеству”, “родине” в глазах каждого гражданина. Патриотизм объясним лишь через высшие категории эстетики, -- идеей своеобразного конкретного синтеза.

Каждый государственный организм призван, таким образом, по своему оплодотворить собою историческую жизнь человечества, сказать миру свое особое слово. Каждый живет этим своим “словом” и стремится, чтобы оно звучало мощнее и громче. Каждый добивается, чтобы оно прозвучало на весь мир.

В области международной жизни есть глубоко знаменательное соответствие между авторитетом духовного порядка и мощью внешнею, политическою. Развитие духовной культуры государства как-то интимно связывается с ростом его политической силы. Этот общий закон государственного бытия, подтверждающийся постоянными фактическими примерами, в истории русской мысли отмечался еще Хомяковым: “по тайному (но, может-быть, понятному) сочувствию между духом человека и объемом общества -- читаем мы у него, -- самое величие ума и мысли принадлежит только великим народам” ***).

Да, это несомненно: великая культура может принадлежать лишь могущественному национально государственному целому.

И отсюда перед каждым государством встает практический императив: стремись к расширению, будь могучим, если хочешь быть великим! Здесь -- не только голос биологически естественного и ценного инстинкта; здесь -- веление нравственного разума, завет и требование исторического Духа. Сущее и должное здесь совпадают воедино, как два аспекта одного и того же явления.

Те нации, которые уже исполнили свою миссию, “слова” которых уже отзвучали, должны политически умереть и дать место другим. Но “места” во всемирной истории не даются даром -- нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами. Для этого прежде всего необходимо познать себя, свои духовные силы, пределы своих внутренних возможностей. Ибо нередко, переоценив себя, и великие державы терпят тяжкие крушения. Так было с Наполеоном. Так было с Россией в эпоху крымской войны. Повидимому, так будет с теперешней Германией. Государственная воля к власти должна регулироваться властью государственного разума.

Этими соображениями, мне кажется, оправдывается то явление, которое ныне обычно носит название **империализма.** Империализмом объясняются многие великие события на протяжении всей истории человечества. Идея империализма

К вопросу о русском империализме (Продолжение. Начало на 14 странице)

лежит в основе политики всех современных государств. Эта идея жизненна и глубоко плодотворна.

Международная политика Великой России должна быть великодержавной политикой, политикой империализма.

Защищать принцип “Великой России” и одновременно отрицать империализм значит обнаруживать или недостаточное понимание защищаемого принципа, или несомненную непоследовательность.

Нужно выбирать: или откровенный космополитизм (будь то социалистический, будь то анархический, будь то религиозный), или державная политика. Tertium non datur. Всемирная история идет вторым путем.

“Славянский мир похож на женщину, никогда не любившую и поэтому самому, повидимому, не принимающую никакого участия во всем происходящем вокруг нее. Она везде ненужна, всем чужая. Но за будущее отвечать нельзя; она еще молода, и уже странное томление овладело ее сердцем и заставляет его биться скорее”. Так писал Герцен в 1851 году ****).

Что касается русской государственности, то это утверждение не было верным и тогда. Но оно очень метко характеризует настроение, широко распространенное в русской общественности.

Не пора ли нам, наконец, осознать свою любовь? Не зажжет ли мировой пожар наших дней в каждом русском сердце эрос “Великой России”?...

3.

Путь империализма -- необходимый и вполне законный путь великих государств. Нужно это открыто признать. Иначе в нашей идеологии непременно будет слышна та фальшивая нотка, которая компрометантна прежде всего для нашего собственного национального самосознания. Можно ли принять понимание текущей войны народов, как “войны против империализма, воплощающегося в Германии”, и в соответственном трактовании нашего врага, как “врага рода человеческого”.

Будем искренни и честны! Будем объективны! Разве империализм -- специфическое свойство только германской политики и державы согласия не выступают под знаменем империализма?

Разве “воля к мощи”, “воля к расширению” не свойственна современной Англии? Вспомним англо-бурскую войну. Вспомним английскую политику в Египте, в Азии. Вспомним вообще английскую историю. И было бы очень наивно утверждать, что Англия не знает милитаризма: ибо что такое английский флот, как не детище милитаризма, во всяком уж случае не менее грозного, нежели его германский брат и соперник. Империализм невозможен без воинствующего миросозерцания, без постоянной работы о внешнем могуществе. Англия слишком мудра, чтобы в нашу эпоху не проникнуться принципом милитаризма. И если островное положение и общая международная конъюнктура позволяли ей до самого последнего времени ограничиваться лишь культом м о р с к о й военной силы, то с точки зрения принципиальной различия между нею и Германией уловить нельзя. И там и здесь -- державная политика, обеспеченная вооруженною мощью. Очень поучительна в этом отношении книжка английского профессора Крэмба...

Современная Франция менее типична. Она более утомлена историей, “наполеонизм” слишком истощил ее, в ней сейчас разлита не столько центробежная, сколько центростремительная сила. Но и она, повинуясь основному закону государственного бытия, не может оставаться в абсолютном покое, в полном довольстве своими границами. Достаточно вспомнить хотя бы ее определенно наступательную политику в Африке (Марокко), ее активную роль на Дальнем Востоке, не говоря уже об ее стремлении воссоединить Эльзас-Лотарингию...

Возьмем наших других союзников. По великодержавному пути неуклонно идет Япония. Сербия наглядно доказала свою волю и свою способность к расширению в эпоху балканских войн 1912--1913 годов. Кроме того, она стремится на запад, к Босний и Герцеговине. Италия и Румыния никогда не скрывали своих государственно-национальных стремлений.

Наконец, оглянемся беспристрастно на самих себя. Кажется, история нас не обидела, нам нечего жаловаться, земля наша поистине велика и обильна. Однако, припомним жизнь России за последнее столетие. Постоянное расширение, приумножение государственного достояния, постоянный рост, борьба... Польша, Финляндия, Кавказ... Войны на Ближнем Востоке, средне-азиатская политика, война на Дальнем Востоке... “Теплое море”, Царьград, Маньчжурия, Владивосток, Порт-Артур... Сама природа заставляла нас распространяться во все концы: Россия -- подлинно величайшее государство, и потому ей всегда было тесно в ее фактических пределах. Осуществлялись очередные задачи -- открывались новые возможности, новые перспективы. И всегда рождались соответствующие теоретические обоснования всех этих широких притязаний...

И нам нечего скрываться, стыдливо умалчивать о своем великодержавном могуществе, о своей активности, агрессивности. Непристойно льву рядиться в шкуру ягненка. Неуместно русскому богатырю надевать на себя маску напускной елейности, прятать острый меч и булатную палицу под лохмотья перехожего калики или под рясу чуждого миру монаха *****)... Да, мы здоровая нация, великая и духовно, и физически. Да, мы свободно стремимся вперед, в нас живет воля к мощи. Разумеется, такую же волю мы не в праве отрицать и в других. Но если наш исконный, естественный путь совпадает с исконным, естественным путем другого государства, столкновение неизбежно, неотвратимо, и бесполезны попытки его избежать. Подобные столкновения при всем их ужасе, глубоко плодотворны: они творят историю, они сжигают отжившее и дают дорогу всему новому, достойному жизни.

4.

Все живое должно рождаться в муках -- таков закон, таков рок или, если угодно, таково проклятие нашего земного бытия. Отказ от мук -- отказ от жизни, от живого творчества. Если нация таит в себе подлинно зиждительные силы, ей не страшны крестные страдания: она жертвует собою во имя своей “идеи” и слово свое она скажет во что бы то ни стало.

Всемирная история и представляется нам ареною этих постоянных состязаний государства, этой постоянной конкуренции национальных “идей”. Внутри каждой державы совершается непрерывный процесс физического и духовного роста, созревания, наконец, умирания. Результаты таких процессов неминуемо сказываются и в междугосударственной жизни. Одни деятели уступают место другим, беспрестанно являются в свет новые факторы развития. “Международный порядок” есть нечто временное и глубоко условное -- он всецело обусловлен наличным соотношением наличных сил культурного человечества. И не следует делать из него какого-то мнимо священного принципа, фетиша, которого грех коснуться. Изменится осязательным образом внутреннее состояние одного из государств, деятелей всемирной истории, -- неизбежно, автоматически нарушится и “международная конъюнктура”. Так было, так есть и, вероятно, так будет. И нет оснований жалеть об этом.

“Идеи” культурных государств своеобразно скрещиваются, переплетаются и вместе с тем взаимно враждуют, состязаются, стремятся покорить друг друга. Это -- великая, эстетически ценная и плодотворная борьба различных стилей, разнохарактерных способо в человеческого бытия. Каждый из них по своему законен и нужен, каждый по своему выражает собою универсальное, вселенское начало. Но воистину необходима и взаимная борьба их: она -- ручательство, что человечество не застыло на месте, она -- главный фактор прогресса.

Каждый здоровый государственный организм влечется к расширению, к большей мощи, и каждый ограничивается аналогичными влечениям таких же, как он, организмов. Тут явственно чувствуется печать какой-то высшей мудрости. Великие войны, подобные переживаемой нами, являются как бы беспристрастным приговором исторического Разума по поводу тяжб между земными государствами. Совершается суд над народами, над их чаяниями, над их “идеями”. Органические изменения, за определенный период времени назревшие в отдельных государствах, получают авторитетную санкцию в плане всемирной истории. Внешний, “физический” облик мира приводится в соответствие с его внутренним, духовным обликом. Внутренно оправданные, подлинно законные притязания удовлетворяются, внутренно ложные, пустые поползновения (будь-то “наступательного”, будь-то “оборонительного” характера) терпят заслуженное крушение. Выясняется и устанавливается истинный удельный вес всех участников международного состязания перед верховным трибуналом исторического Промысла.

5.

Так рисуются мне в основных чертах теоретические предпосылки стоящей перед нами проблемы -- проблемы Великой России. Текущая война есть переоценка наличного “международного порядка” и вместе с тем испытание физических и духовных сил современных государственных организмов. Ее результаты не могут быть случайными. Ее исход заранее предрешен развитием драматического действия на протяжении всей ныне завершающейся главы исторического процесса, обусловлен объективным смыслом этой главы. Окончится война -- вскроется смысл; не ранее: “сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек” ******).

Идет борьба различных национально-государственных “идей” и “стилей” современного культурного мира. Каждая великая держава столько же “обороняется”, сколько “наступает”, ибо каждая стремится удержать свое прежнее достояние и сверх того укрепить его новыми приобретениями. Пока Англия, Россия и Франция не менее изменяли карту мира, чем Германия и Австрия. Пусть Великая Германия увлечена лозунгом “Berlin -- Bagdad”, образ “Царьград” настойчиво манит Великую Россию. Если “германизм” законно гордится величием своей культуры, то мы ему должны (и можем!) противопоставить не менее величественные очертания еще молодой, но уже несомненно яркой культуры русской. О, конечно, здесь перед нами еще большой труд, огромное поле деятельности, напряженной работы над собой.

Но во всяком случае мы не должны скрывать своих национально-государственных стремлений вширь. Не секрет они ни для наших врагов, ни для наших союзников. Пусть Разум истории рассудит, кто имеет большие права на Константинополь, кто более достоин его: Турция и Германия, или Россия. “Принцип сложившегося международного порядка”, равно как и “национальный принцип”, -- за Турцию. Но “Дух истории”, хочется верить, за нас. Разумеется, многое тут зависит от самой России. Выдержит ли она великое материальное и моральное, физическое и духовное испытание, окажется ли ее национальный гений на высоте стоящих перед ним и уже отчетливо осознанных им задач?...

К Царьграду, казалось, издавна звала нас история. За последнее столетие этот зов нашел живой и вместе с тем вполне сознательный отклик в “душе” нашей родины. Лучшие русские люди указывали на Константинополь, как на грядущий путь России: национальные поэты и публицисты подчеркивали глубокий идейный смысл предстоящей “аннексии”, активные политики заботились о практической стороне дела, а русский народ приносил кровавые жертвы...

Москва и град Петров, и Константинов град -- Вот царства русского заветные столицы

-- так писал Тютчев еще в 1848 году. Он понимал, что Царьград -- это “всемирная судьба России”, и был уверен, что настанет время, когда “своды древние Софии в возобновленной Византии вновь осенит Христов алтарь”.

“Константинополь рано или поздно должен быть нашим” -- многократно писал Достоевский в 70-х годах.

Вся современная русская публицистика единодушно исповедует и проповедует то же убеждение. Самые разнообразные теоретические воззрения согласно порождают единый заветный практический лозунг: “в Царьград!”

Русско-турецкие войны фатально вели нас к Босфору. Лучшие исторические традиции русской внешней политики ведут туда же. И, будем верить, балканская война 1912 года окажется предпоследним этапом на этом пути.

Скоро, скоро узнаем...

А пока вывод ясен. Если руководящим началом нашей политической деятельности является великое русское государство, “Великая Россия”, то столь распространенный ныне взгляд на текущую войну, как на “войну за европейскую свободу”, “войну за попираемые права малых наций”, “войну против империализма”, “войну против германского милитаризма”, “войну против войны” -- со всей этой знакомой идеологией и фразеологией придется решительно порвать. Ибо последовательно придерживаться ее возможно лишь с точки зрения узкого, кабинетно отвлеченного (хотя, быть-может, и возвышенного) анархического, космополитического идеала, иначе говоря, лишь отвергнув идею государства, лишь отказавшись от “Великой России”.

Н. Устрялов. (Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5.)

*) “Нации суть не естественные, а историко-социальные образования... Нация не есть что-либо объективное. Нация есть нечто существенно субъективное, т. е. свойство определенного содержания сознания. Группа людей, сознающих себя объединенными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и потому отличными от других людей, образует нацию.” (Еллинек, “Общее учение о государстве”, СПБ. 1908, стр. 84--86).

**) Эта своеобразная антиномия русской культуры метко очерчена Н. А. Бердяевым в его лекции-брошюре “Душа России”.

***) А. С. Хомяков, т. I, Москва[.] 1861, стр. 227.

****) “Русский народ и социализм” (письмо к Мишлэ).

*****) Так поступал на Руси лишь Алеша Попович...

******) Hegel, “Philosophie des Rechts”, Vorrede.

РККА глазами Вермахта

22 июня командование Вермахта был уверено, что решительным блицкригом разобьет «русско-монгольскую большевистскую орду». «У нас величайшая армия, во главе которой стоит величайший военный гений всех времён». «Мы – разящий меч новой Германии!»
Хаапе Г. Оскал смерти. 1941 год на Восточном фронте. М., 2009. С.86, 94, 125.

Но уже 24 июля 1941 г., т.е. практически через месяц после начала Великой Отечественной войны, в дневнике начальника Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерала Гальдера, появилась запись из обращения главкома сухопутных войск генерал-фельдмаршала фон Браухича к участникам совещания, которое тогда проводилось:
«Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник».
И пусть никто и никогда не пытается больше доказывать Вам, что англо-французы были более «эффективны», в своей недолгой войне в 1940 году, чем Красная Армия в 1941.
Сегодня я приведу цитаты из дневников и воспоминания немецкого генералитета и других военных чинов Вермахта. Первым говорить будет Иозеф Геббельс.

Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. 1987. München
Запись от 11 ноября 1939 г.
“Русская армия большой ценности не имеет. Плохо руководима и еще хуже оснащена и вооружена”.

Запись от 29 июня 1941 г.
“Русские защищаются отважно. Командование их действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни”.
…….
Последние записи.

Запись от 5 марта 1945 г.
“Фюрер снова резко критикует генштаб. <...> Фюрер прав, говоря <...> что Сталин своевременно провел эту [Чистка командного состава РККА] реформу и поэтому пользуется сейчас ее выгодами. Если такая реформа будет навязана нам сегодня нашими поражениями, то для окончательного успеха она слишком запоздала”.

Запись от 16 марта 1945 г.
“Генштаб предоставляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они являются <...> чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочитать, что они имеют хорошую народную закваску... Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод о том, что руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоев, чем наши собственные <...> Я сообщаю фюреру о предоставленной мне для просмотра книге Генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет мое мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя <...>, что говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета”.

Запись от 26 марта 1945 г.
“Люфтваффе. Нужна коренная реформа - сверху донизу”.

Манштейн с уважением писал о советских прорывах с Херсонесского полуострова на восток к партизанам. 5 тысяч героев духа сражались в Аджимушкайских каменоломнях, выдерживая обстрелы, подрывы и газы. «Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов».
Манштейн Э. «Утерянные победы». М.1999. С.294-295.

24 мая они послали из подземелья радиограмму: «Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но не сдаемся!»
Ионина Н.А. Каменоломни Аджимушкая http://bibliotekar.ru/100zamkov/99.htm

«На Восточном фронте: боевые действия продолжаются. Усиленное и отчаянное сопротивление противника... У противника много убитых, мало раненых и пленных... В общем, происходят очень тяжелые бои. О «прогулке» не может быть и речи. Красный режим мобилизовал народ. К этому прибавляется еще и баснословное упрямство русских. Наши солдаты еле справляются. Но до сих пор все идет по плану. Положение не критическое, но серьезное и требует всех усилий». **Из дневника министра пропаганды Геббельса (Откровения и признания. С. 321; Ржевская Е. М. Геббельс... С. 283.)**

«Русские зарекомендовали себя умелыми выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве»
Метельман Г. Сквозь ад… С.288, 294.

«Эти проклятые крестьяне дрались как черти…»
Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды…С.67; Хаапе Г. Оскал смерти… С.125, 129.

«Новое поколение в России обладало силой и мужеством…Они зачастую действовали механически, как роботы... Эти люди верили своей власти и подчинялись ей».
Вольфзангер В. Беспощадная бойня… С.99, 100.

«Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряженных боях»
Генерал-полковник фон Клейст.(Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться и стоять насмерть... // Другая война, 1939–1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 379; Лиддел-Гарт Б. Битвы Третьего Рейха... С. 265.)

«Уже сражения июня 1941 г. показали нам, что представляет собой новая советская армия, — вспоминал генерал Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, наступавшей в Белоруссии. — Мы теряли в боях до пятидесяти процентов личного состава. Пограничники и женщины защищали старую крепость в Бресте свыше недели, сражаясь до последнего предела, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий и бомбежек с воздуха. Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских...»
Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться... С. 382; Лиддел-Гарт Б. Битвы Третьего Рейха... С. 271–272.
На самом деле Брестская крепость держалась не «свыше недели», а без малого месяц - до 20 июля.

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян»
Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. С. 53

«Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных»
Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. С. 84

«Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным...
Фанатизм и презрение к смерти делают русских противниками, уничтожение которых обязательно...».
Из приказа командования 60-й моторизированной пехотной дивизии(РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 42.)

Советская власть в тылу врага организовало борьбу 6200 партизанских отрядов с составом до 1 млн. чел. «Борьба с партизанскими отрядами была чудовищной реальностью… в июле 1943 г. в России было взорвано 1560 железных дорог, в сентябре – 2600. То есть 90 – в день».
Юст Г. Альфред Йодль солдат без страха и упрёка. Боевой путь начальника ОКВ Германии. М., 2007. С.97.

“Партия и ее органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей недоставало в первую мировую войну, - железную дисциплину. Подобная, не знающая жалости военная дисциплина - которую, я уверен, не выдержала бы ни одна другая армия - превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное орудие войны. Дисциплина - главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась

РККА глазами Вермахта (Продолжение. Начало на 16 странице)

решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина…

Русский остается хорошим солдатом всюду и в любых условиях...

Полевая кухня, почти святыня в глазах солдат других армий, для русских является всего лишь приятной неожиданностью и они целыми днями и неделями могут обходиться без нее. Русский солдат вполне удовлетворяется пригоршней проса или риса, добавляя к ним то, что дает ему природа. Такая близость к природе объясняет способность русского стать как бы частью земли, буквально раствориться в ней. Солдат русской армии — непревзойденной мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации...

Индустриализация Советского Союза, проводимая настойчиво и беспощадно, дала Красной Армии новую технику и большое число высококвалифицированных специалистов. Русские быстро научились использовать новые виды оружия и, как ни странно, показали себя способными вести боевые действия с применением сложной военной техники. Тщательно отобранные специалисты помогали рядовому составу овладеть современной боевой техникой, и надо сказать, Что русские достигли серьезных успехов, особенно в войсках связи. Чем дольше затягивалась война, тем лучше работали русские связисты, тем с большим искусством использовали они радиоперехват, создавали помехи и передавали ложные сообщения…

Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского все больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растет. Вполне возможно, что за долгий период подготовки в мирных условиях у него разовьется и личная инициатива…

Ведение боевых действий русскими, особенно в наступлении, характеризуется использованием большого количества живой силы и техники, которые командование часто вводит в бой безрассудно и упрямо, однако добивается успеха. Русские всегда славились своим презрением к смерти; коммунистический режим еще больше развил это качество, и сейчас массированные атаки русских эффективнее, чем когда-либо раньше. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвёртый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием….

Русские дивизии, имевшие очень многочисленный состав, наступали, как правило, на узком фронте. Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Нечасто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько оттого, выдержат ли нервы.

Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого. Только солдат, сознающий свой долг и верящий в свои силы, только тот, кто научился действовать, полагаясь на себя самого, сможет выдержать ужасное напряжение русской массированной атаки….

Сила русского солдата объясняется его чрезвычайной близостью к природе. Для него просто не существует естественных препятствий: в непроходимом лесу, болотах и топях, в бездорожной степи всюду он чувствует себя как дома. Он переправляется через широкие реки на самых элементарных подручных средствах, он может повсюду проложить дороги. В несколько дней русские строят многокилометровые гати через непроходимые болота “

Из книги генерала Фридриха фон Меллентина «Танковые сражения: 1939-1945»

«У многих [немецких] солдат не осталось и следа от прежнего подъёма, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны». «На переднем крае сущий ад. Ничего подобного я не видел на этой войне. А я ведь с самого начала в ней участвовал. Иван не отступает ни на шаг. Путь к позициям русских устлан их трупами, но и немало наших подохнут раньше. В сущности, здесь нет настоящих позиций. Они дерутся за каждую развалину, за каждый камень….. В Сталинграде мы разучились смеяться. Самое худшее – это ночные бои. Русские используют каждый бугорок для обороны и ни одной пяди не отдают без боя».

Видер И., Адам В. Сталинградский кошмар. За кулисами битвы. М., 2007. С.25, 100, 113.

В 1943 г. поражения Вермахта подавались победами. Показывались «кладбища» советских танков, автомашин, убитые и пленные. В кинохронике после нескольких выстрелов русские пускались в бегство. Но в кинозалах, где сидели раненые немецкие фронтовики, поднимался свист, крики “враньё”! «Ни один солдат или офицер не говорит теперь пренебрежительно об Иване, хотя еще недавно они так говорили сплошь и рядом. Солдат Красной Армии с каждым днём всё чаще действует как мастер ближнего боя, уличных сражений и искусной маскировки»

Видер И., Адам В. Сталинградский кошмар… С.122, 126, 127.

С 1943 г. дух Вермахта снижался, хотя стойкость сопротивления поддерживалась убежденностью в том, что в случае пленения каждый будет расстрелян. «Все одинаково немытые, небритые, завшивленные и больные, психически подавленные. Солдат становился не мыслящим человеком, а всего лишь вместилищем крови, внутренностей и костей. Наше товарищество возникало из зависимости друг от друга людей, собранных в одном замкнутом пространстве, наш юмор … был юмор висельников, сатиров, наполненный собранием непристойностей. Яростью и игрой со смертью. Солдаты, покрытые вшами, гноем и экскрементами, не пытались напрягать мозги. Никто не считал нужным приводить в порядок замусоренный бункер. … Мы уже ни во что не верили. … То, что мы были солдатами, служило оправданием наших преступлений и потери человеческого облика…. Наши идеалы ограничивались табаком, едой, сном и французскими проститутками». Суды Вермахта вынесли 30000 смертных приговоров, большую часть против дезертиров. 15000 было приведено в исполнение.

Шмитц Ш. «Мы жили, разрушая свою душу». Соприкосновение со злом и чувство долга // Вольфзангер В. Беспощадная бойня… С.265

Резко усиливала боеспособность РККА партийно-политическая работа. Собрания членов ВКП(б) регулярно проводились. Бессмысленно игнорировать роль Сталина в войне. «Русские на добрую тысячу лет отставали в общем историческом развитии от других европейских наций. Сталин поставил задачу преодолеть тысячелетнюю пропасть за 20 лет и во многом добился её выполнения. Он стал вроде Бога».

Хаапе Г. Оскал смерти… С. 177.

«Огромна роль Сталина в руководстве народным хозяйством как Председателя ГКО и правительства. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу» - вспоминал В.М.Молотов.

Куманёв Г.А. Вклад советской военной экономики в победу // Россия в XX в… С.114.

«Пробыв здесь, в этой стране столько времени, я не мог не восхищаться силой духа этого народа, которого казалось, ничто не в состоянии сломить – ни жертвы, ни страдания. Две молоденькие фанатичные русские студентки гордо признали, что принадлежат к великому коммунистическому движению – сами накинули себе на шеи петли и спрыгнули с со скамьи не дожидаясь, пока палач выбьет из под ног. Подобным мужеством трудно не восхититься».

Гофман И. Сталинская истребительная война… http://hedrook.vho.org/hoffmann/

Генерал Г.Блюментрит писал: «нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя».

«Красная Армия 1941–1945 гг. была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею. Это усиливало стойкость советских солдат. Дисциплина в Красной Армии также соблюдалась более четко, чем в царской армии. Они умеют защищаться и стоять насмерть. Попытки их одолеть стоят много крови»

Генерал Блюментрит, начальник штаба 4-й армии. (Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться... С. 382.)

«До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука. Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на Востоке. Однако снова и снова возникало подозрение, что голого насилия недостаточно, чтобы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою... Большевизм... вселил в большую часть русского населения непреклонную решимость».

Из служебной записки СД. (“Источник”. - 1995. - № 3. - С. 89.)

“Западные понятия о непроходимости местности для русских имеют лишь очень ограниченное значение.

Здесь дух немецкого солдата, его храбрость, инициатива, самоотверженность боролись против отчаянного сопротивления противника, сила которого заключалась в благоприятной для него местности, в выносливости и невероятной стойкости русского солдата, усиленной железной системой принуждения советского режима. К тому же русские были мастерами быстро восстанавливать дороги

Войска русских всегда храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы.”

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн

“Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые и новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось... противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению.”

Генерал Курт Типпельскирх

“Широко и умело задуманные операции Красной армии приводили к многочисленным окружениям немецких частей и уничтожению тех из них, которые сопротивлялись.

...Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Мы потеряли 100-тысячную армию под Кенигсбергом...”

Генерал О.фон Лаш

“...Во Второй Мировой войне стало очевидным, что и советское верховное командование обладает высокими способностями в области стратегии...

Русским генералам и солдатам свойственно послушание. Они не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года...”

Генерал-оберст Г.Гудериан

“...В ходе войны я наблюдал, как советское командование становилось все более опытным...

...Совершенно справедливо, что высшее советское командование, начиная со Сталинграда часто превосходило все наши ожидания. Оно мастерски осуществляло быстрый маневр и переброску войск, перенос направления главного удара, проявляло умение в создании палцдармов и оборудовании на них исходных позиций для последующего перехода в наступление...”

Генерал-оберст Г.Фриснер, командующий группой армий “Южная Украина”

“Их командиры моментально усвоили уроки первых поражений и в короткий срок стали действовать на удивление эффективно”

Генерал-фельмаршал Г.фон Клейст

«То, что солдаты Красной Армии продолжали сражаться в самых безнадежных ситуациях, совершенно не заботясь о собственной жизни, можно в значительной степени приписать храброму поведению комиссаров.

Разница между Российской Императорской Армией в годы ПМВ и Красной Армией даже в самые первые дни германского вторжения была просто колоссальной. Если в прошлой войне русская армия сражалась как более или менее аморфная масса, малоподвижная, лишенная индивидуальностей, духовный подъем, вызванный идеями коммунизма, начал сказываться уже летом 1941 года»

Генерал Эрих Раус

«Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши военачальники в течение всей первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России...

Поведение русских войск, даже в этом первом сражении (за Минск) поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окруженными, русские не отступали со своих рубежей»

Генерал Блюментрит

“Если вспомнить, что Фридрих Великий противостоял противнику, обладавшему двенадцатикратным превосходством в силах, то кажешься сам себе просто засранцем. В этот раз мы сами обладаем превосходством в силах! Ну разве это не позор?”

Гитлер (запись от 28.1 1942 г)

Амбразуры дотов закрыли своей грудью более 215 воинов и партизан. Массовое самопожертвование войнов первого в мире социалистического Отечества не имеет аналогов. Оно может расцениваться выше, чем жертва жизнью верящих в загробный мир. Подобных подвигов не совершали ни солдаты Вермахта, ни союзники.

Никогда за всю тысячелетнюю историю наш народ не знал такого массового героизма, как в 1941-45 гг. Решающими духовными факторами, которыми РККА опрокинула Вермахт, стали порыв в защиту родной земли и убеждённость в праведности сталинского народно-социалистического курса. «Наше дело правое, мы победили!» - такой девиз был отчеканен на победной медали 1945 г.

Контраст с современным состоянием постсоветского детоталиризованного общества разителен.

Материал подготовил Ганс Шредер

Бой длиной в 30 секунд превратил неприятеля в золу...

Земцов Георгий Николаевич в 1942 году – 19 летний лейтенант заместитель командира дивизиона реактивных гвардейских миномётов БМ-13 «Катюша» выводил из под Белгорода своё подразделение – четыре установки «Катюш», бензовоз, командирский виллис, 50 бойцов человек.

Фронта не было, немцы его прорвали и наши части отступали. Где немцы, где наши никто не знал. Отступали по ночам, днем отстаивались в рощах. Люфтваффе бомбила любую обнаруженную группу наших войск. Оружия стрелкового практически не было, если не считать его пистолет и один пулемёт на виллисе.

Разведку по какой дороге идти производили днём. Во время одного из разъездов наткнулись на хвост колонны, но в пыли не могли разобрать наша или немецкая. Остановились вместе с колонной, прислушались – речь немецкая. Тихонько отстали и к своим. Стало ясно, что по одной с ними дороге наступает **мощная мотомеханизированная группа противника.**

Уточнили её состав – 4 танка, десять грузовиков с пехотой, бензовоз, штабные машины. Колонна на ночь остановилась в населённом пункте.

Настало время принятия решений. Понятно, что местоположение нашей колонны могло в любой момент стать известно немцам. Тогда крышка – **защищаться не чем. Георгий Земцов, решил напасть первым. Напасть вопреки приказу.** Катюша – секретное оружие и ближе 15 км сближение с немцами запрещалось.

Сделали засаду на холме поросшим леском. Дорога из населенного пункта вела на этот холм затем его огибала. Четыре установки хорошо замаскировали и с отрицательным дифферентом прямой наводкой нацелили на дорогу, условно разделив её на четыре части.. Прицеливался на глаз. Когда утром немецкая колонна на выходе из посёлка втянулась в этот отрезок дороги – дали залп из всех четырёх установок…

Снаряды не успевали включать реактивную часть, на одном стартовом пороховом заряде входили в гущу немцев. Вой снарядов, пламя, взрывы – всё смешалось в этом залпе. Ничего не было видно, всё затянуло дымом. Георгий быстро отвёл «Катюши» после залпа, опасаясь люфтваффе, которые прилетали после 10-15 минут после того, как наши обнаружили себя залпом… Ещё час два там что-то чадило взрывалось.

Но вот в чём дело… вызвать авиацию было не кому. **Батальон «фрицев» так и не успев понять, что произошло превратился в золу…** Правда, сообщать о этом эпизоде командованию молодой лейтенант не стал опасаясь трибунала за формально нарушенный приказ.

Интересно, **что у немцев подумали в штабе? Куда делась боевая часть, даже не сообщив о нападении – пропала с театра боевых действий. Была и нет.** Вот как бывает…

Земцов Георгий Николаевич

Русский характер

Захватывая одно здание за другим, штурмовые группы относительно неплохо продвигались вперед. Иногда, к сожалению, допускались огрехи: какой-нибудь этаж или квартиру забывали «провентилировать», наши подразделения уходили вперед, а там оставались немцы-фанатики, которые затем открывали огонь в спину. Были напрасные жертвы. И все потому, что срабатывал фактор русской доверчивости: несколько квартир подряд выбросили в окна белые флаги (в основном простыни) — наши решали, что здесь люди настроены мирно, и шли дальше. А им в затылок — очередь из пулемета или фаустпатрон. Такая вот доверчивая русская душа. А потом бойцы возвращались к этим белым флагам и огнем и гранатой вышибали гадов. Но много было и таких, которые искренне хотели сохранить свои жизни и выбрасывали белое полотнище, не используя этот шаг в коварных целях. Такие этажи и квартиры проверяли, но жителей не трогали, оружие, правда, отбирали.

На одном из перекрестков у станции Трептов-парк стоял, опустив дуло огромного ствола, сгоревший «фердинанд» (самоходно-артиллерийская установка). Вблизи — разбитый крупным снарядом бронетранспортер. Все люки и дверцы распахнуты. Снаряд ударом в лобовую часть разворотил броню, как консервную банку. Внутри валялось несколько изуродованных трупов немецких солдат. А у бронетранспортера лежал на спине, разбросав руки, молодой, крупный телом ефрейтор с оторванной ногой и торчащей, как костыль, без мышц, берцовой костью. Живот у него был разорван, и красно-голубые кишки вывалились наружу. Немецкий солдат был в шоке — широко раскрытые глаза смотрели в небо. Слегка перекошенный рот подрагивал. Совершенно стихийно мы сгрудились у этого умирающего человека. Кто-то подложил ему под голову какие-то тряпки. Так ему должно быть легче.

— Надо же что-то с ним делать, — сказал один из нас.

— А что делать? Он уже не жилец. Надо пристрелить, чтобы не мучился, — предложил другой.

— Ни в коем случае! Надо помочь.

Кто-то побежал за медиками. Вскоре появились двое — санинструктор и медсестра. Вначале они растерянно стояли, не зная, с чего начать. Затем быстро раскрыли свои пухлые сумки, сделали ему укол и приступили к «работе».

Таков он, наш русский характер. Разве можно бросить человека, когда его постигла такая страшная беда, даже если он минуту назад был враг и стрелял в нас? Нет, ни мстить, ни измываться над беззащитными людьми мы не можем.

(из книги В. И. Варенникова “НЕПОВТОРИМОЕ”)

Как выжить в ядерной войне

Существует опасность катастрофического срыва огромных частей человечества в новое варварство и даже дикость. Существует опасность гражданских ожесточенных войн, расовых и религиозных конфликтов (между силами старого мира и нарождающегося нового). Существует опасность системного мирового кризиса с неясным исходом. Опыт истории говорит, что смена эпох – это всегда кровь, хаос, войны и «великие переселения» народов. Именно таким хаосом кончится нынешняя глобализация.

Нужно приготовиться к острейшему кризису Запада – вплоть до установления на нем диктаторских постфашистских, и неорузвельтистских режимов, пытающихся обеспечить инновационные прорывы, спасти падающую систему образования, решить проблемы разрушения национальных и социально-ориентированных государств, провести «новую индустриализацию» и побороть последствия демографического кризиса, одновременно силовыми методами решив проблему мусульманских мигрантов. Уже сегодня просматривается углубляющийся конфликт между технократами и инноваторами с одной стороны – и бесплодным финансово-спекулятивным капиталом и неэффективной бюрократий с другой стороны.

Нужно приготовиться к кризису и разрушению нынешней валютной системы.

Нужно изготовиться к времени дорого продовольствия, к его нехватке на перенаселенной планете, к дефициту пресной воды и энергии.

В таких условиях глобальный вооруженный конфликт неизбежен, мир уже стоит на пороге новой мировой войны, и, по оценкам аналитиков, она унесет жизни более трети населения земного шара. По меньшей мере половина оставшихся в живых получит различные увечья и заболевания, а все остальные столкнутся с послевоенным голодом и эпидемиями, еще более страшными, чем все испытания до этого. И произойдет это по причине массового применения в будущей войне ядерного, химического и бактериологического оружия. Избежать страшной участи не удастся никому. Однако на планете должно остаться как можно больше биологически здоровых людей, чтобы восстановить разрушенное хозяйство, и первая задача, которая стоит перед озаботившейся этой целью человеком - выжить при атомной бомбардировке.

Сейчас, в предвоенное время, официальные лица и средства массовой информации утверждают, что применение ядерного оружия в грядущем конфликте маловероятно. Основной довод в пользу этой точки зрения - фатальные для окружающей среды последствия таких бомбардировок, делающие их применение самоубийственными. На самом деле, считается, что оценка влияния ядерных взрывов на экологию значительно преувеличена. В частности, хотелось бы напомнить о том, что за все время существования этого вида оружия на Земле была произведена не одна тысяча испытательных взрывов различной мощности, но к необратимым последствиям это не привело, “ядерная зима” не наступила, климат не изменился. Конечно, при настоящей войне масштабы применения вооружений (и, соответственно, результаты) будут уже другими, бомбардировки затронут реки, плодородные земли, города, что поставит человечество на грань вымирания, но военных это не остановит.

На сегодняшний день защищенными от прямого ракетного удара считаются лишь два российских города: Москва и Сакт-Петербург. А по данным разведки, сейчас только у США находится под прицелом около двух тысяч различных объектов на территории нашей Родины. В первые же минуты войны будут уничтожены русские ракеты шахтного базирования, способные нанести ответный удар по агрессору, а также радиолокационные станции и базы флота. Следующей целью станут производственные объекты Урала и Поволжья, а Сибирь подвергнется наименее массированным ударам с целью сохранить природные ресурсы:

сибирскую тайгу, тюменскую нефть и кузбасский уголь. Атом - оружие блицкрига, и первая же атака способна обезглавить страну, оставив после себя разрушенные нейтронным излучением телекоммуникации, уничтоженное производство и транспортные магистрали. Начнутся массовые лесные пожары, из-за чего воздух будет смешан с ядовитым дымом. Население ударится в панику, а большинство чиновников и депутатов, привыкших заботиться лишь о своем благополучии, предаст Родину и трудовой народ, сбежав на запад и в южное полушарие. Россия погрузится в хаос и это будет только началом.

Перед лицом смерти надеяться не на кого, остается лишь верить в свои собственные силы. Как же простой русский человек может хоть как-то противостоять ядерной угрозе? Большинство из нас помнит лишь уроки по безопасности жизнедеятельности в школах: включить радиоточку или приемник, дождаться сигналов Гражданской Обороны, затем, следуя их инструкциям, укрыться в ближайшем бомбоубежище. Как и везде в нашей стране, гладко это лишь на бумаге - взрыв атомной бомбы в городской черте моментально отключит и радиоточки, и телевидение, и компьютерные сети. Не факт, что и сам штаб ГО и ЧС уцелеет и будет способен взять ситуацию под свой контроль. Все помнят землетрясение, потрясшее Кузбасс осенью 2003 года? Где тогда был этот штаб, почему молчали радиоточки, пока люди в панике выбегали из своих высотных домов? Да, за халатность кто-то был наказан, но кто даст гарантию, что с тех пор что-то изменилось?

С середины прошлого века многие из строившихся домов оборудовались бомбоубежищами, способными спасти людей от ядерной катастрофы. Наш народ жил спокойно, но затем кто-то наверху решил, что угроза миновала, предательски уступив место вопросам куда более меркантильным. В период разгосударствления укрытия были приватизированы, превратившись в частные склады, ночные клубы и магазины, некоторые просто были заброшены и хищнически разворованы искателями цветных металлов. Сейчас во всем Кемерове существует лишь ДВА “активных” укрытия, способных принять людей в случае войны. Оба находятся в центре города. Ясно, что предназначены они будут для “власть имущих”, а на безопасности простого русского народа кто-то банально сэкономил!

Одним из мест возможного спасения человека от последствий взрыва атомной бомбы являются подвалы жилых домов. Правда, о спасении здесь можно говорить весьма условно, радиационную защиту такое импровизированное укрытие обеспечивает лишь базовое, а в случае разрушения здания легко оказаться запертым под обломками (в специально оборудованных убежищах существует дополнительный выход на незасыпаемую территорию, то есть удаленную от ближайших зданий на расстояние, равное их высоте + 3 метра). Тем

не менее, в подвале присутствует пока еще не зараженная радиацией вода, чего нельзя сказать о ее внешних источниках. Нужно как можно тщательнее герметезировать помещение подручными средствами, чтобы снизить проникновение радиационного излучения и вредных веществ. В зависимости от типа заряда и близости к эпицентру катастрофы нахождение в убежище должно продолжаться от суток до месяца, в условиях отсутствия какой-либо достоверной информации следует находиться в укрытии максимально возможное время.

Если ядерный взрыв застал врасплох, задача выживания усложняется. Ни в коем случае не смотрите на вспышку и сопутствующие ей явления - световое излучение практически на любом расстоянии способно не только моментально лишить человека зрения, но и вызвать сильные ожоги, а также воспламенить горючие поверхности. Следующий поражающий фактор - проникающая радиация, поток гамма-лучей и нейтронов, разрушающий живые ткани организма и приводящий к лучевой болезни. И уже напоследок появится мощнейшая ударная волна, вызывающая масштабные разрушения по аналогии с бомбами традиционными. Как же спастись от взрыва? Прежде всего нужно укрыться от убийственного воздействия частиц. Все решает быстрота реакции человека. Между источником излучения и собственным телом нужно создать препятствие из любого материала, будет ли это бетонное ограждение, автомобиль или мусорный бак. Лучше не скрываться за стенами домов и высокими предметами - от ударной волны они могут разрушиться, завалив обломками. Металл задерживает радиацию наиболее эффективно, хотя многое зависит от толщины материала. В случае, если укрыться негде или на это нет времени, проще всего упасть на землю, закрыв руками голову. Это поможет уменьшить воздействие взрыва. Дома оптимальнее всего укрыться в ванне, ее толстый чугун поможет железобетону стен значительно уменьшить радиационное воздействие. Кроме того, в случае разрушения дома нахождение в ванне поможет не быть придавленным плитами и даст под завалами доступ хоть к каким-то запасам воды.

При первой же безопасной возможности следует покинуть пространство, подвергшееся ядерному заражению, двигаясь в сторону, противоположную эпицентру взрыва (обычно туда направлены поваленные ударной волной деревья). А перед этим максимально защититься от радиации, надев на себя как можно больше одежды из плотного материала. Наша кожа сама по себе является защитой от какой-то части остаточного излучения, поэтому наиболее опасно проникновение смертоносных частиц через дыхательные пути. Дышать нужно только через противогаз или респиратор, а за неимением такового - через смоченную ткань. Роковым также станет употребление в пищу найденных на зараженной территории продуктов и воды из открытых источников. Основная цель - встретить на своем пути других выживших и объединиться с ними. Некоторые люди могут быть агрессивно настроены, поэтому на контакт следует идти с осторожностью. Не прикасайтесь к трупам и умирающим - это опасно. Возможно, местными властями будут даже организованы мероприятия по эвакуации, но количества работоспособных транспортных средств не хватит даже на тех немногих, кто спасется в этом аду.

Что будет дальше? Об этом не знает никто. Наверное, тех, кто погибнет, выжившие будут считать везунчиками, настолько глобальной и страшной будет катастрофа. Мир изменится, преобразившись до неузнаваемости, но все же будем надеяться, что выжившие люди найдут в себе силы и разум объединиться и справиться с последствиями опустошающей войны. Обиднее всего осознавать, что это - наше будущее, о котором не хочется думать, но которое неизбежно. Ведь в мире накопилось не только слишком большое количество оружия, но и еще больше людей, которые не осознают свою ответственность за будущее.

Стихи в ШиМ

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали:- Господь вас спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:- Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

“Мы вас подождем!”- говорили нам пажити.
“Мы вас подождем!”- говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941, Константин Симонов

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?

И в слепые морозные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Его ясные, яркие очи
До конца разглядели врага.

В эти чёрные, тяжкие годы
Вся надежда была на него,
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?

Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.

И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашёл он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Много думал он ночи и дни.
О, к каким роковым испытаньям
Подготовлены были они!

И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую Правду его.

Разве мир бы когда-нибудь дожил
До таких ослепительных дней?
Это он разбудил, растревожил
Полумертвую совесть людей.

Это он их заставил вмешаться,
Перед миром свой долг осознать.
Это он научил их сражаться,
Воевать, наступать, побеждать!

Как высоко вознёс он Державу,
Мощь советских народов-друзей.
И какую великую славу
Создал он для Отчизны своей!

...Тот же взгляд, Те же речи простые,
Так же скупы и мудры слова.
Над военною картой России
Поседела его голова.

А. Вертинский, Маньчжурия 1945г

ЗАО_РПЦ

Покажите мне церковь, где смотрит с иконы
Не монарх, что Державу на смуту обрёк,
А простой русский парень - солдат Родионов,
Преступивший навеки небесный порог.

Тот порог, над которым архангел Гастелло
В колеснице пылающей снова в пути.
А ключи от Господних небесных пределов
Держит Карбышев, руки скрестив на груди.

Где Чапаев и Щорс, Кошевой и солдаты
В битвах павшие, дядя мой бравший Берлин,
И пришедшие к Дому Советов ребята,
Кто с ОМОНом схлестнулся один на один.

Упаду на колени тогда перед ними,
Своих глаз на их лики не смея поднять...
Как же нас угораздило стать крепостными,
Свою землю и волю без боя отдать?!

Там, в небесной дали, у Господних чертогов
Сталин с Лениным тихо ведут разговор...
Как же нас угораздило счесть за святого
Николая Кровавого? Стыд и позор!!!

Царь-иуда – святой?! И за это наказан
Наш народ, что злодеям молебны воспел:
Сколько храмов вокруг, да вот нет только спасу,
И повсюду, как встарь, на Руси беспредел...

Не поднимет Господь на врагов Свою руку,
Не опустится Девы священный покров
На Отчизну. Нам долго терпеть эту муку,
Раз мы рай обозвали “страной дураков” -

Ту страну, что из крови святых создавали,
И на верную смерть за неё шли бойцы,
Где свой хлеб и свой кров просто так раздавали
Неразумным детишкам трудяги-отцы.

Потому и иду я не в храм, а из храма,
Где поклоны царям верноподданно бьют
Люди рабской души, не имущие срама,
Но Отец, Сын и Дух там давно не живут.

А Они в небесах, заалевших как знамя,
И зовущих на бой за Советскую власть.
С нами Бог, коммунисты, теперь только с нами,
И завет наш Христов: “Кто тут временный? - СЛАЗЬ!”

Никола Запорожец, 2007

Штык и молот

«Штык и Молот» официальная газета общественно-политического движения «Национал-Большевистский Фронт». Учредитель газеты и редактор «ШиМ» Журкин Максим.

Редакционный совет: Журкин Максим, Квазаров Илья, Виктор Гаер, Евгений Штрассер, Шредер Ганс. Связаться с нами можно по электронной почте: nbrussia@gmail.com
Наша группа в социальной сети «ВКОНТАКТЕ» http://vkontakte.ru/nazbol_nbf
Сайт центрального отделения НБФ-Москва http://nazbol.host22.com
Официальный сайт газеты «Штык и Молот» http://nbr.ucoz.org/

Подписано в печать
Заказ №
Объём п. л.
Тираж 999 экземпляров.
Распространяется бесплатно.